

Илья Музыка

СКАЗКА СНЕЖНОЙ ПУСТЫНИ

Илья Музыка

Сказка снежной пустыни

«Издательские решения»

Музыка И.

Сказка снежной пустыни / И. Музыка — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835803-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Легенды возникают не на пустом месте. И в XXI веке хватает белых пятен на земле. Действие повести, основанное на реальных событиях, разворачивается на севере Дальнего Востока России. Рассказ о странной местности, где умирают люди, случайно услышанный от старого эвенка, зовёт в дорогу пятерых профессиональных спелеологов. Когда они обнаруживают Уркальту, то понимают, что история, вначале принятая за сказку, очень близка к действительности. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-835803-6

© Музыка И.
© Издательские решения

Содержание

Март. Север края. Середина пути	6
Август. Север края. Начало	22
Продолжение. Город Хабаровск, разговоры за пивом	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сказка снежной пустыни

Илья Музыка

© Илья Музыка, 2016

ISBN 978-5-4483-5803-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта совсем не научная повесть о приключениях в пещерах России, в основном в северных районах Дальнего Востока. Невозможные случаи, что легли в её основу, происходили на самом деле, но свойство человеческого разума таково, что как только событие совершилось, оно тут же становится легендой. Оно ведь уже прошло! Помимо этого есть вещи, пока необъяснимые нашей наукой. Так что верить или не верить – дело лично каждого. Но сразу оговорюсь – всякие совпадения считать просто совпадениями. В музыке семь нот, а мелодий целая вселенная, хотя ноты совпадают. Совпадения являются случайными, и всё что происходило здесь, уже когда-нибудь происходило.

Март. Север края. Середина пути

*Сорок тысяч бед за нами следом
Бродят, словно верная охрана.
Плюньте, кто на дно пойдёт последним
В пенистую морду океана.
Русская инородная песня.¹*

История эта приключилась достаточно давно. Повторюсь, всё, что описано здесь – чистая правда, какой бы она не казалась. Ещё живы все участники тех событий, кроме одного, погибшего спустя несколько лет. Его, смертельно раненого выстрелом в упор, сочли за мёртвого, и бросили в снег. Он пытался ползти, но потеря крови была слишком велика... Свою кровь зима всё-таки получила...

...Я всегда говорил о том, что Инэтчэ-ми Гида – край странный и загадочный. К тому же временами он довольно суров к нам. Но на этот раз все спокойно. Сегодня мы выходим из кольца Уркальту, и к вечеру должны быть на станции.

Что такое Инэтчэ-ми Гида? Это в первую очередь пустота и оторванность от мира. Хотя дорога в нескольких десяти километрах отсюда, рядом, по таёжным меркам, но там, на дороге машины также редки как и апельсины в этом краю. Семьдесят километров от посёлка, тайга. Долины рек, бегущих к Талу-Макит, плоские сопки незаметной, но весьма солидной высоты, нудные подъёмы и пологие спуски и сплошные непонятки вокруг. Непонятная тайга, непонятный, хотя и простой с виду рельеф, непонятные случаи бывают здесь, странные дела творятся иногда. Инэтчэ-ми Гида – это снег и мороз, старые ели и кедры, густая поросль болезненных пихт и ёлочек и воронки, воронки кругом. Заснеженный лес вокруг. Могучие ели прочно встали в этой изъеденной карстом земле, но ели поменьше с трудом тянутся к синему небу, не находя в камне приюта для себя. Они растут вкривь и вкось, шатаются и падают от толчка рукой, вызывая отвращение и жалость. Их корни не могут уйти далеко вглубь земли – там их ждёт пустота и вечный холод реликтовых ледников, а сверху их обжигают морозы суровых северных зим.

Суровая земля, холод космоса, глубокие снега, утопившие в себе тайгу, дохлые ёлочки под покровом леса, провалы на каждом шагу, исходящие незаметным дымом-паром. От этого пара ёлки одеваются богатым снежным нарядом. По всей своей высоте и ствол и ветки сплошь в сверкающей кисее инея и снега. Идя по тайге, то и дело останавливаешься у огромных, глубоких ям и маленьких ямок. Взгляд, скользящий по ровной глади земли, временами словно проваливается вниз. Иногда воронки затянуты землёй, словно кто-то вдавил кусок леса вниз, вглубь, иногда это грозные провалы, дышащие темнотой и паром, на дне которых мрачные серые камни на белом снегу, иногда это глубокие колодцы, ведущие к подземной реке. Это всё входы в огромную пещерную систему Инэтчэ-ми Гида, здесь берут своё начало пещерные ледники, отсюда льётся под землю холодный воздух, творящий чудеса в лабиринтах тьмы и камня.

Из таинственных провалов, из отверстий пещер постоянно тянет страхом, тревогой, запахом сырого камня и темноты, а иногда и ледяным ветром подземного ужаса глубин. В этом лесу, находясь в кругу воронок, знаешь, что под тобой – пустота. В этом лесу нет спокойствия даже в яркий, солнечный день. Только на речном обрыве дышится легко, спокойно, потому

¹ Юрий Зыков

что пещеры остались позади, а перед тобой море деревьев, сопки, совсем другой, понятный, сонный мир совсем другой тайги. Не потому ли почти все, пришедшие сюда, первым делом идут на обрыв, вдохнуть спокойного воздуха?

По ночам, а вообще-то когда как, из воронок пещер выходят духи земли и будь осторожен, одинокий путник в полночный час! Странные дела могут твориться здесь. Здесь теряются днём, здесь теряются ночью.

Путь сюда лежит через высокий лес. Когда-то первые люди протоптали тропу и нарубили затёсок. Затёски давно заплыли смолой, выросли и вытянулись деревья. И сейчас увидеть след железа тридцатилетней давности трудно, но никто не думает нарубить новых, ведь найти тропу легко, особенно после прошедшего человека. И никто не задумывался, что найти тропу всё-таки сложно. Не видя зарубок, проверить направление можно, только вскинув голову вверх. И тогда вдруг разошедшиеся высокие ели покажут тебе прямую, как стрела, полоску неба.

Стоя посреди леса можешь сколько угодно задирать голову, но узкая прямая полоса видна только с тропы. Если заходить на пещеры наобум, тропу игнорировав, то надо быть твёрдо уверенным в правоте своего пути и идти, не сворачивая. Либо наплевать на всё, и идти до конца. А идти можно долго, и совсем не туда, на площади всего в шесть квадратных километров. Это всё Инэтчэ-ми Гида, каменное копьё Уркальту. Что стережёт оно, кого ждёт? Может когда-нибудь, дождавшись своего часа, ржавое тяжёлое копьё со свистом вспорет воздух и воткнётся в чью-то грудь?

Рандеву с машиной в два часа, на дороге. Пять километров от избушки через отроги хребта. Пустыня, дойдем за часок.

Светит мартовское солнце, шестнадцать человек растянулись на подъеме. Впереди только белый снег, уходящий в голубое небо. Оно горит от солнечного света, и я, опустив голову к земле, мерно шагаю вверх. На солнце плавится снег и вера в удачу греет душу.

– Илья, смотри, люди! – выдыхает Литвин, идущий позади меня.

Я поднимаю голову. Действительно, словно из этой бездонной синевы, в солнечном сиянии вырастают согбенные под грузом фигуры. Один, два, пять... Кто? Охотникам – поздно, туристам – тоже вроде. На исходе март, кончаются через два дня школьные каникулы. Наверное, все же ненормальные туристы с ненормальным руководителем.

Поравнялись с первыми. Пацаны, подростки. Идут-помирают.

– Далеко до ручья? – загнанно хрипит первый.

– Метров пятьсот, и будет, – отвечает Литвин.

– Да ну! – не верят встречные, и также обречено шкандыбают дальше.

Замыкает колонну наша старая знакомая Маринка Агишева. Это народ с Корфовской, мы встретились с ними в первый раз осенью прошлого года, на Биракане. Маринка – бывший геолог, в ней ещё не угас зазор таёжной романтики. Оттого она набрала подростков из поселковой школы и таскается с ними по краю. В том году я и рассказал ей про Уркальту, она видно взяла информацию на заметку.

Маринка шагает весело и улыбается нам. Приостановившись, обменялись новостями. Хотя для меня все новости сейчас как загадки.

– На чем приехали, когда?

– На 66-м², два часа назад.

– 66-й – вахта?

– Нет, бортовой.

– И что, он уехал?

² ГАЗ-66 – небольшой советский грузовой автомобиль повышенной проходимости с кабиной над двигателем, которым с удовольствием пользуются и россияне. Крайне неприхотливая и очень проходимая машинка. Именно она заменила в деревне лошадь, а из обезьяны сделала человека.

– Нет, стоял еще, когда мы уходили.

Ах, как много еще вопросов у меня, да и ей хочется узнать поподробнее о кольце Уркальту, о зимовьях, о жизни под землей. Но нет времени, сзади напирают мои люди. И машина – вдруг ждет еще? И мы прощаемся. Снег глубокий, и тропа не позволяет разойтись. Маринка отступает в снег и пропускает нас.

– Удачи! – доносится ее голос.

Что за машина, откуда? Догадки и вопросы крутятся в голове. Наш водитель сказал, что попытается пробиться к зимовью, встреча на дороге – крайний случай. Может что случилось, и поехал другой? Мало ли что могло произойти за полторы недели... В душе шевелится тревога. Но всюду светит солнце, и темные крылья ее бессильно опадают.

Не знал я тогда, что водитель нашей «Вахты» окажется человеком низких моральных качеств, хотя он предупредил о возможных проблемах с обратным выездом. Так его никто и не тянул нас везти, сам же позвонил на станцию и пообещал машину туда и обратно.

Эх, где наш добрый седой лесовозчик дядя Юра! Тот бы никогда не бросил нас.

– Ты что, как можно людей в тайге бросить? Сам не смогу, так обязательно кого-нибудь пришлю, – всегда говорил он.

Как ведь начиналось? Я стоял на крыльце станции думал что делать. Обещанной машины нет, время ночь. Тут в дверь вывалился Клён с криком:

– Ильич, тебя к телефону!

– Клёник, что ты гонишь, к какому телефону, меня тут ни одна собака не знает!

– К начальнику станции, к телефону!

Мне звонили по поводу машины. Так мы и оказались за тридевять земель в северной тайге без гарантии обратного выезда.

...На условном месте делаем привал, я роюсь в сугробе и откапываю заветную бутылку водки – водителю. До дороги отсюда осталось минут пятнадцать ходьбы. Перевалив последний отрог, спускаемся к ней, оставляя за спиной безмолвный мир подземных ледников, теплые зимовья, и, увы – теплый, безветренный день. Здесь, на дороге, на северном склоне дует ветер. Солнце уже начинает падать в густые ветви лиственниц и елей на вершине сопки.

На старом кострище кидаем рюкзаки. По кругу идет пачка сигарет, сухари.

Еще минут двадцать, и мы уедем отсюда. Все уже устали немного. Увы, обратная дорога изматывает, хотя и проходится быстрее.

В два машина не пришла. Я оделся во все теплое, съели еще по сухарику.

Водитель говорил при расставании:

Если меня не будет в два, ловите машины, выбирайтесь, как можете.

Но сейчас не счастливые времена застоя, когда лесовозы ходили пачками.

– Витя, Шурик, Хомяк, Андрей! За дровами! Тушкан – делай костер, Настя, достань Тушкану пирогель³ для костра! А я пойду пройду по дороге, послушаю машины.

Обычно в тайге ухо человека, привыкнув к однообразным песням леса, четко выделяет чуждые звуки. Я слышу машину за сорок километров, другие – поменьше, за десять – двадцать. Но сейчас стоит тишина, только ветер воет в вершинах кедров и елок.

³ Пирогель – пирос (греч.) + гель, вязкая субстанция для разжигания сырых дров.

«Черные сказки белой зимы
на ночь поют нам большие деревья.
Черные сказки про розовый снег,
Розовый снег, даже во сне...»⁴

Март на севере – еще зима. Семьдесят километров не одолеть за день. Предел – сорок, но с условием, что есть где упасть на ночь. А здесь только снежная пустыня – марь, протянулась на двадцать. Ни дров, ни укрытия. И незаметное расслабление душевных сил от осознания близкого дома. Это видно по людям. Очень тяжело в первый день, когда ты ещё не понял, что туалет на улице и холодильник с продуктами за тысячу километров, а стен в твоей новой квартире нет, и потолка вообще никогда не было. И тяжело на выходе, когда кажется – вот один рывок – я в цивилизации. Сыр, колбаса, газировка, интернет! Горячая ванна! Человек, расслабившись раньше времени, теряет волю.

В общем, возможность пешего перехода мне представлялась равной нулю. Ноги сбивают в кровь и за двадцать километров. А еще брать перевал...

Сейчас время к трём. В семь надо становиться на табор. Потом долгая холодная ночь. Сколько мы успеем за это время пройти? Три дня пути ложим, продуктов, если потянуть, на полтора дня хватит, но спать в снегах без тепла три дня? Дров на печку в тундре нет. Мы ж не эвенки с чумом.

А может подождать, и машина придет завтра? А если ловить лесовозы, кого отправлять в цивилизацию? И давать ли в город «SOS»?

...А ночью по лесу идёт Сатана,
И собирает свежие души
Новую кровь получила зима,
и тебя она получит,
и тебя она получит...⁵

Висела надо мной эта песня, еще в Хабаровске. Моя группа ждала решения, а я все ходил по дороге, смотрел на костер у обочины и думал. Двадцать шагов вперед, двадцать назад. Надо выбираться в люди и гнать машину.

Сейчас, дома, я описываю все это подробно, чтобы понять, был ли другой путь в дальнейших событиях? Еще там, в тайге, во второй день эпопеи мне все казалось, что ускользает какой-то важный момент, что, поймай я его, и все пошло бы гладко и хорошо. Потом, когда все кончилось, и я рассказывал друзьям об этих приключениях, никто не дал оценки моих действий. Все только качали головами, и говорили примерно одно и то же: – ну, мол, вы и ходите! Экстремальщики!

Но мы-то были не при чем! Все последующее в этот и другой день я вижу, как огромную кучу случайностей, которую я разобрал и соединил в цепь, имя которой – жизнь. Вот только для чего? Чтобы выжить, или чтобы поинтереснее было? Осталось ощущение, что нить жизней ускользала из рук, а я упрямо соединял и соединял звенья. И вроде бы как все остальные не то, чтобы были против, а вроде как просто бездействовали.

Но костёр разожгли, котелки повесили. Пирогель штука отличная. Липнет к любой поверхности и горит долго, зажигая даже сырые палки. Народ повеселел, стали устраивать брёвна для сиденья, распаковывать мешки.

⁴ «Сказочная тайга» братья Самойловы, Вадим и Глеб.

⁵ «Сказочная тайга» братья Самойловы, Вадим и Глеб.

Итак, машина не шла. Попробуем приманить ее на еду. Ловля машин на лапшу, чай, или сгущенку – давний обычай бродячего люда. Он восходит еще к временам покорения Нилана, освоения Сутарского хребта. Смех смехом, люди поставили на службу закон подлости. Подавив в себе жадность, они варили что повкуснее, чтобы вылить на землю при приближении машины.

Не знаю в чём тут фишка, но лесовозы словно стоят и ждут, когда где-то за несколько километров сварится еда. Удовольствие они что ли получают потом от разлитой пищи?

Не отставая от предков, мы тоже сварили ведро лапши с парой банок тушенки. А еще прекрасные сухарики с маслом, бекон с предприятия Чернобельского, чай, сгущенка.... Не могла машина не пойматься.

Но все уже доедали свои порции, а ее все не было. Один я неторопливо орудовал ложкой, и вдруг в воздухе возник далекий рев мощного мотора, сладким бальзамом по сердцу. Едет!

– Машина!

Толпа выбежала ко мне на дорогу и наострила уши, но ничего не уловив, разочаровано разошлись.

Никто, кроме меня, машину не услышал до тех пор, пока она не скатилась с гор на финишную прямую. Грязно-зелёная туша «Урала»⁶ уже показалась среди черно-белых стволов деревьев, когда все наконец поверили, что я не вру.

– Смехотун, со мной! Все остаетесь, если еще будут лесовозы, уезжайте. Я в поселке найду машину и вернусь. Никуда не уходить до десяти вечера, Потом, если что, в зимуху вернетесь. Сержант Татарин остаётся за старшего. Если будут машины, уезжайте, сколько возьмёт в кабину, на рога не ни в коем случае не лезьте.

Езда на платформе, или по нашему – «на рогах» возможна только на пустой машине. На гружённом лесовозе это смертельный номер. Если брёвна «пойдут», даже в кабине не гарантировано уцелеть.

– Да, коли кто ещё уедет, смотрите на дорогу. Любой встречной машине сигнальте фарами. Встречная машина тут может быть только моя, других тут нет.

Я успел ещё поговорить с Татариним, и вот уже из-за поворота тяжело пыхтя, скатился груженный лесовоз. С недоеденным супом я прыгнул в кабину. Вперед!

Лесовозчик не сильно порадовал меня, сказав:

– Сюльбанцы – козлы, никого в машины не берут. Это мы, божедальские, добрые. Но наших машин на трассе всего четыре. Две где-то за мной идут.

Скорость груженого «Урала» – километров сорок. Как же мне хотелось отключиться, приехать на станцию и вытянуть ноги! Но увы, покой мне в ближайшую ночь не прописан, надо вывозить людей из тайги.

К поселку мы подъехали около пяти вечера, успев поговорить и даже посмеяться. Лесовозчик ехал и махал руками по сторонам:

– Вон там лесовоз ушел, разбился, вот здесь тоже...

Мимо проплыл лежащий в кустах обгорелый остов.

– И часто такое? – поинтересовался я.

– Бывает, – спокойно сказал водила.

Дядя Юра Чепушкан нам как-то рассказывал, как он шёл с перевала сотню, тормоза отказали.

– Ты представляешь, лесовоз гружённый, тогда ещё сортамент не возили, а целиком деревья, хлысты. Я на перевал вышел и стал скорость набирать. Перед поворотом на тормоз давлую, а педаль до пола ушла. Как я тогда молился, чтоб никто навстречу не шёл! С жизнью

⁶ Урал – также советско-российский грузовой автомобиль совсем неприлично высокой проходимости, колёсной формулы бхб. Несмотря на откровенно разгильдяйский вид, очень надёжен, прочен и вынослив. Засадить его было практически невозможно. – Ты же Берёзового солдата знаешь – отвечал мне на мой вопрос водитель такого монстра, – там летом глина по ступицу и выше. Едет гружённый брёвнами, а ты можешь выходить и рядом идти.

попрощался, с женой и сыновьями, но чужих жизней брать с собой не хотел. Решил, что если встречающая будет, прямо пойду, с обрыва. А там уж если успею, попробую выскочить из кабины. Встречки не было, а в поворот не вписываюсь! Ну и рубанул пониженную. Думал, коробка рассыплется. Выдержала. Думал, лесовоз сложится, тоже выдержал. Почти до деревни долетел, пока остановился, а ты сам знаешь, тут не один десяток километров. Остановился, руки дрожат, сам весь мокрый от пота, полез под машину, смотреть. Оказалось напарник подкозлил, ремонтировал тормоза, и не доделал. Я в гараж въехал, его нашёл и отметелил от души, при всех.

Я смотрел на заснеженный лес и думал. Смог ли бы я взять с собой в кабину ещё троих? Очень тесно, рычаг переключения передач одному между ног, три человека на сиденье тогда влезут, и двое на коленки. Дверь не закрыть, но водитель закроет снаружи.

Ну смог бы допустим. Лучше плохо ехать... Ну ещё две машины следом идут. Допустим ещё шесть человек поместится. Итого одиннадцать. Пятерых оставлять в тайге я не в праве. Мало кто знает тайгу, как я. А эти – так вообще пока сброд. Лучше их останется больше, чем пять. Это и теплее и надёжнее, когда группа большая.

У приемщиков леса, в вахтовке на въезде в поселок я оставил Смахотуна с рюкзаками, а сам пошел по деревне к леспромхозовскому гаражу.

– Проверяешь все машины, идущие из тайги. Наших сгружаешь. К десяти вечера, не позже, перебазируетесь на вокзал. С местными не воевать, быть корректными и вежливыми. В пределах, понятно.

За оградой гаража призывно возвышались «Вахта» и «Mitsubishi». Но чем ближе я подходил к воротам, тем грустнее мне становилось. Время – пять, конец работы. В ограде – ни души. Корпуса машин на спущенных колесах, грязь.

В душе опять колыхнулась тревога – не тревога, а – ощущение беды. Нашел какого-то серого человечка, поговорил. Расклад такой: машин в деревне много, бензина почти ни у кого нет. Того, кто нас довозил, услали на Второй Санар, возить бригады, на полмесяца.

Я долго ходил по деревне, говорил с водителями. Мужики вздыхали при упоминании о деньгах, грустно роняли:

– Бензина нет! Ты к Женьке сходи, он сегодня в тайгу ездил, может ещё в баке что осталось.

Я плелся по улице, когда навстречу показался «66-й»⁷. Из кабины высунулся маленький человечек с круглыми, как у кота глазами, за что сразу и получил кличку «Кот». Он сразу воскликнул, не дожидаясь моего приветствия:

– Что, опять? Я же только из тайги!

– Ты что ли Женька, у которого бензин есть? – спросил его я.

– Бензина уже мало, – уклончиво ответил он.

– Тогда надо сгонять ещё раз, Женька, а по приезду сюда – еще пузырь сверху!

В России о все времена бутылка была абсолютной валютой. Как говорилось: «бутылку поставишь – хозяином станешь».

– Бутылка с собой?

– С собой.

– Покажи, только незаметно.

Я распахнул борт комбинезона. По-видимому, мужик узрел там и рубчатую рукоять пистолета, но вопросов задавать не стал.

⁷ ГАЗ -71, 73, – слегка плавающий гусеничный вездеход. Начал выпускаться в 1968 г. Очень неприхотливая, неубиваемая машина. Могла даже немного ползать по вертикально растущим деревьям, например, за шишками, но обычно после таких трюков «разувалась». При всех огромнейших плюсах, имеет маленький минус: расход топлива. 1 литр – 1 километр и это не предел. По бездорожью бывало и больше. Потому вместимость трех основных баков 232,5 литра, дополнительного – 77,5 литра.

– А может завтра сгоняем? Сегодня за бутылочкой посидим, а?

– Не могу, я пообещал вернуться. Надо сегодня, – а сам подумал: ага, бухать. Знаю я вас, деревенских алкоголиков. Полночи бухать будем, потом барагозить по деревне пойдём, потом хрен проснёмся утром, а там и похмеляться уже надо.

Мы ещё торговались с Женькой по поводу ехать сегодня или нет, как из дома напротив выскочила какая-то крепкая баба и закричала Женьке:

– Что, опять? Да ты же уже мотался в лес!

– Мы быстро, пару часов – и обратно!

– Пил, поди уже? – с подозрением закричала баба и притянула его к себе.

– Да что ты, только собирались! Вон, Санька в кабине сидит, он подтвердит.

– Бутылку давай! – баба требовательно протянула руку.

– Мань, да ты чего, ну мы же ещё не пили.... – затянул Женька.

– Бутылку давай, тогда поедешь.

Женька нехотя запустил руку за пазуху и вытащил оттуда запечатанную поллитровку «Столичной». Баба тут же сграбастала её и снова впилась взглядом в несчастного Женьку.

– Ещё есть?

– Ну откуда, Мань? Я ж тебе все деньги за рейс отдал, вот, немного себе оставил....

– Повернись, – баба осмотрела Женьку с ног до головы и похлопала его по карманам. –

Смотри мне....

– Как на духу, Мань....

– А ты не боишься с ним ехать? – рывкнула баба мне.

Я осмотрел мужика и покачал головой. В чём проблема? Один рейс в тайгу это не так много. Если устанет, поведу сам. Да и другой машины все равно не найти. Время уходило, скоро сядет солнце.

– Поехали, Женька!

Я запрыгнул в кабину и ткнул пальцем в тщедушного бородатого мужичка, сидящего там:

– Эй, вылазь!

Он послушно вывалился на землю, но, чуя скорую выпивку, подбежал к Женьке:

– Может возьмете, а?

– Я что? Вон начальник теперь. Возьмём его? – Женька посмотрел на меня.

– Мне он не нужен. Место одно, я на одном сиденье вдвоём не собираюсь ютиться.

– Я на моторе посижу.... Возьмите меня, а?

– Ладно, чёрт с тобой, поехали. Но не ной потом....

Машина с места взяла скорость и вылетела из деревни на снежный простор.

– Мотор форсированный, – с гордостью пояснил Женька.

Стрелка спидометра остановилась на восьмидесяти, для таких дорог пожалуй предел. Хотя скоро начнет подмерзать, станет опасно. А у меня было чувство, что не успеем, уйдут мои.

Навстречу попало два лесовоза, в них были пассажиры, но мои или чужие там были? Да и как разглядеть в надвигающихся сумерках? Ни один лесовоз не мигнул фарами. Мы пронесли мимо. Время не ждало.

Впереди показался Горбатый мостик, странное сооружение из круглых бревен через ручей Березовый. Вероятно, своей формой мостик обязан вечной мерзлоте, она выгнула бревна в трамплин. Машина не сбавляла ход.

– Держись! – крикнул Женька.

Я вцепился в поручень. Случайный попутчик – Санька – сжался в комок.

Грузовик словно присел на передних пружинах, и вдруг взвился в воздух.

– Держись! – еще раз заорал Женька.

Душа упала в пятки и снова вернулась, мы летели над дорогой, восторг было наполнил грудь. Мы – летим!

Взлетели мы очень высоко. Под нами пронеслись кусты, ямы, но мы все не падали! Прежний восторг моментально испарился, его вытеснил ужас. Я до побеления пальцев сжал поручень, приподнялся над сиденьем и согнул голову.

Все видели в кино, как лихо перелетают преграды легковые автомобили, особенно американские полицейские лимузины. Наверное, наш полет выглядел еще эффектнее. Грузовик-вездеход парил над землей уже двадцать восемь шагов (это на обратном пути уже промерили). Я кинул быстрый взгляд на Кота. У Женьки глаза из круглых, кошачьих, стали квадратными от страха. Если колеса встанут чуть под углом, мы даже не поймем, как разобьемся. Женька намертво зажал руль. Костяшки его пальцев побелели, как и у меня. Машина упала на все колеса.

Удар был чудовищный. Я почувствовал все свои позвонки. А «66-й», словно и не падал вниз, рвался дальше, в отступавший закат.

– Ура!!! – мы с Женькой не сговариваясь заорали от счастья.

А Санька молчал, его глаза были закрыты.

– Санька, видал?!

– Ой, хана, – сорвался стон с его губ, – Позвоночник...

– Да ну, врешь, все нормально, – испуганно выдавил Женька, тем не менее продолжая давить на газ.

Я посмотрел на мужичка. Он не врал. Из рта тонкой стружкой текла слюна. Хорошо, хоть не кровь.

Санька открыл глаза:

– Я ничего не вижу.... Позвоночник....

Ситуация! Там люди, а тут этот урод с позвоночником.

– Тормози!

Расстелив бородача на капоте, я запустил ему руку под ватник, ошупав худую спину с выпирающими позвонками. Дела!

Наскоро осмотрев Саньку, я открыл банку водки, и, запрокинув ему голову, влил в глотку. Жить будет. Правда, хреново. Не перелом, смещение, но все равно неприятно.

– А теперь вперед! – приказал шоферу.

– А он? Вернемся!

– Нет! – я вытащил из-за пазухи пистолет, – у меня там люди замерзают. А этого никто не заставлял ехать. Можем его высадить, сделать ему костер, а подберем на обратном пути.

Вылезать Санька отказался. Забегая вперед, замечу: и он выдержал весь этот путь, кучу километров вися на руках между кабиной и сиденьем. Вместе с водкой в него снова вошла жизнь. Русские люди крайне выносливы и неприхотливы, оттого их так нелегко победить.

– Не бросайте меня! Я сильный, я выдержу! Мне сидеть больно, я висеть на руках буду!

Машина вновь устремилась вперед.

...В это время, по другую сторону мари, в отрогах хребта свистел ветер. Солнце там уже давно скрылось и с востока надвигалась ночь. Наступал тот самый противный и тягостный период сумерек, когда дрожат самые смелые сердца.

– Как думаешь, Ильич машину нашёл? Времени прошло уже до фига.

– Не знаю. Наверное не нашёл.

У небольшого костра сгрудились оставшиеся. Искать дрова в сумерках стало тяжелее, а расслабленное состояние от ощущения близкого дома тоже не сработало во благо.

– Может пойдём уже на зимуху, а Санёк?

– Ильич же сказал до десяти никуда не уходить....

– Там ветра нет....

– Точно, давайте за сопку уйдём, там новый костёр сделаем, там дров больше!

– А если Ильич приедет?

– Ну чо мы не услышим, что ли? Он же покричит.

– Давай, Санёк, а?

– А в зимухе тепло будет....

– Мы там дров наколотых оставили. Крупа есть и сухари со сгущёнкой.... Прорубь ещё в ручье не замёрзла, воды нормальной попьём.

Татарин мёрз от и груза ответственности и от страха наступающей ночи, но ещё попытался сопротивляться группе.

– Давайте ещё немного подождём, ну чуть-чуть, ну час.

Однако через полчаса он не выдержал.

– Подъём! Пошли, отойдём вверх с полкилометра. Тоска тут сидеть. Наверное не будет машины, но на всякий случай мы еще подождём с той стороны.

– О, вот это дело! Ништjak! Живём! – посыпались одобрительные возгласы.

Группа быстро собралась и ушла на другую сторону сопки. Увы, не обладая достаточным опытом определения расстояний в сумерках, они прошли не полкилометра, а полтора, тем более тропинка так легко бежала вниз и вниз, а подходящего места для бивуака не находилось. У наледи остановились на привал, перекурили.

– Давайте послушаем!

– Не, тишина. Пошли на зимуху.

И они ушли дальше.

У нас же косяки сыпались как из ведра.

– Горим! – закричал Женька.

Снизу, от мотора вдруг потянуло горящим маслом. Срочно остановились, выгрузили Саньку, откинули кабину. Пружины раскалились докрасна, мы закидали их снегом. Потом машина начала терять обороты, забился топливный фильтр, остановились, прочистили. Потом машина валилась в глубокий кювет, не удержавшись на скользкой ледяной дороге, и Женька бешено крутил руль, а я смотрел на вздыбившуюся заснеженную землю, летящую в широкое лобовое стекло, и думал – лишь бы насмерть, сразу. Замерзать переломанному, в тайге не хотелось. Но вопреки всему мы неслись дальше и дальше, пытаясь опередить тусклое солнце.

Справа, невидимые от подножья, парили в воздухе огромные хребты Мевон-Наксан, их вершины сверкали вечными снегами, оставалось всего двадцать километров до места. Пошли подъемы. Снова забился фильтр, мотор еле тянул. Вот еще один поворот, и будет наше кострище, но машина дергалась со скоростью пешехода. Уже вышла луна, скоро уже 22—00.

В синих сумерках не видно костра, его просто нет. Я выскочил из машины. На снегу надпись – «66-й – чмо». Ушли на зимуху? Почему так рано? Добежав до вершинки сопки, прислушался. Никого, тишина. А может уехали? Я выругался.

Послышался скрип снега. Женька поднялся ко мне.

– Ну что?

– Как видишь. Ушли, уроды.

– Я деньги у тебя взял, машину сгонял, и все зря! Куда они ушли?!

– На зимуху.

– Далеко.... Я не продержусь столько. Сам видишь, мотор сдыхает. Без него мы ничто. Что-то у меня нехорошие предчувствия.

На зимуху я не побежал, это около часа хода, а в радиаторе залит не антифриз, откуда в деревне, где бензина нет, антифриз, а вода. Она скоро застынет – и нам хана. А этому бородатому Саньке – и того быстрее. Покричав с вершины, я спустился обратно. Рвем когти отсюда, домой. Началась борьба за наши жизни, мотор дохнет, ночь.

Машина, чихая и пыхтя, нехотя потащилась вниз. Поганый деревенский бензин! Мало того, что его вовсе нет, так еще и напополам с водой. Спуски пока выручали нас, но их

всего три, а впереди равнина и перевал. Об этом думать не хотелось. Фильтр продували уже несколько раз, хватало ненадолго.

Где-то за Сандамакитом мы встали прочно. В бензопроводе замерзла вода. Откручивали холодный металл, гаечные ключи обжигали кожу. Я зажег очередную спичку, освещая место работ, и вдруг сделал неприятное открытие. Осталось четыре спички. Пришлось мне сделать два костра для света и обогрева по обе стороны машины. Кто знал, что спичек не хватит? Цивилизация привязывает человека. Сунулись в тайгу, а спички только у меня, коробок, да у Саньки в коробке штук пять. Вдруг вот спички и кончились. Двадцать коробков надо брать было? У меня в рюкзаке их пять, и что с того? Рассчитывали мы ведь всего на четыре часа пути. И по обе его стороны нас ждала пища, отдых, тепло, сигареты и спички.

Пламя немного раздвинуло ночь, оставив грузовик посреди снежной пустыни, как декорацию. Открылась дверца машины, и из неё на снег вывалился Санька.

– Водки мне дай, – простонал он.

Я дал ему глотнуть немного, потом снова полез под машину.

– Ты куда это, падла, – вдруг заорал Женька с другой стороны, и побежал в ночь.

Санька полз к обочине. Женька настиг его и приподнял за воротник.

– Женька, ну ты что, я же за дровами, я же вижу, вам никак без меня. Костры прогорают. Я немного дров наберу и приползу. Тяжело мне висеть на руках без дела. Я дров наберу и у огня лежать буду.

– Ладно, только вдоль обочины. А то мы тебя потом не найдём без фонаря.

Костры из тальниковых прутьев, правда, прогорали быстро. Серьезных дров в начале мари уже не росло. Полуживой Санька по мере сил стал помогать нам, поддерживая огонь, пока мы мудрили с движком.

Женька поползал под днищем еще немного, и выбрался, теребя волосы:

– Два выхода у нас. Ночевать здесь, или рубить тормоза, тормозную трубку в бак, напрямую, и ехать. Бензин в магистрали перемерз. Сделаем обводную линию из тормозной трубки.

– Без тормозов, по перевалам, по льду – разобьемся!

– . Ночевать – тоже замерзнем. У нас ничего теплого. Двигателем и коробкой буду пытаться тормозить.

– Знаю. Погубим машину. Ладно, подожди, последнюю сигарету выкурю. Руби тормоза!

Так глупо умирать от холода, скорчившись у маленького костерка. Мы выбрали движение, и будем биться до конца. Как там, в песне у «Альфы»:

«Но мы, мы должны победить, иначе,
Для чего на свет мы рождены.
И пусть этот путь неудачно начат,
Будем до конца ему верны!»⁸

Не думал я, что когда-нибудь эта песня далеких лет поведет меня в бой. Уголек сигареты приближался к пальцам, отмеряя жизнь. И вновь ревел мотор, желтые пучки света резали ночь. Вот здесь – ушел с дороги лесовоз, вот здесь – обгоревший остов машины. . . . А мы уйдем где? Грузовик швыряло по льду, Женька, стиснув зубы, давил на газ, словно чувствуя, что ненадолго нашей «рационализации» с тормозами хватит. Лишь изредка он бросал нам:

– Не дотянем, а?

Мотор заходился на подъеме. В эти моменты мне казалось, что под капотом железный, сильный, но умирающий человек пытается сделать последний вздох.

– Не, дотянем, – стонал Санька.

⁸ «Шторм» стихи А. Лукьянова, музыка Сергей Сарычев.

Потом ситуация менялась.

– Не пройдем, Женька!

– Пройдем! Хрен всем!

Хуже всего было, когда глохли на подъемах. Приходилось на нейтрالي, вслепую, катиться назад, в это время Женька дергал стартер, а я вручную качал карбюратор. Машина валилась в снег, но мы каким-то чудом заводились вновь, и с визгом колес вырывались из кюветов. Подъемов было несчетно. Казалось, ночи не будет конца. Не было ни жизни, ни смерти, мы висели где-то посередине, в нулевом пространстве. Сколько раз мы вышли победителями в битве с дорогой, никто не считал.

Машина уже дотянула до перевала, и ухнула вниз, собрав последние силы. Далеко внизу показались огни поселка, и угасшая надежда, вдруг вспыхнув, качнула весы жизни в нашу сторону. Но мотор вновь захлебнулся и замолк. Попытки его реанимировать успеха не имели.

Скинув крышку воздушного фильтра, Женька задумчиво посмотрел на мотор и спросил меня:

– Смерти боишься? – наверное забыв, что после такой ночи вопрос этот неуместен.

– Нет!

– Тогда лей бензин из ведра прямо в карбюратор! Дотянем!

Это было серьезное заявление, даже после всего пережитого. Когда мотор ещё работал, из воздухана временами вылетали языки пламени. Пересадили Саньку в кузов, чтобы не мешал.

– Сгорим к черту!

– Лей!

И мы протянули еще немного.

Я сидел на краю мотора, и, отвернув лицо, старался попасть стружкой бензина в черное жерло. Пролитый мимо, бензин испарялся с горячего мотора, отработанные газы врывались в кабину. Нечем было дышать. Это было сумасшествие, но, дергаясь, «ГАЗ-66» упрямо полз вперед, пожирая километры снега, и мы уже не могли остановиться в своем безумии. Так не могло продолжаться долго.

Как завороченный, смотрел я на язык огня, который не вылетел, а выполз из чрева мотора, и лениво повиснув в воздухе, нырнул в ведро. Отчего в такие страшные моменты время замедляет бег?

Я не бросил полыхнувшее ведро. Спокойно поставив его на край капота, я одной рукой дернул ручку кабины. Не проблема! Но тут получилось, как в кино – «легко» – это не по законам жанра. Увы, беда одна не ходит, дверь отчего-то заклинило. Я даже успел подумать, почему так и почему именно сегодня, в конце концов – почему именно сейчас!?

Женьке было проще. Увидав огонь, он округлил глаза, распахнул свою дверь, и упал за колесо. Я продолжал одной рукой дёргать дверцу «Газона», придерживая пылающее ведро другой.

Может ну его к чёрту, этот «66-й»? Свалю через Женькину дверь, и пусть он горит? Жалко, он ведь нас сегодня столько выручал. ... Триздоглядская машина, что ж ты так к нам, мы же тебя любим. ... И свалить через водительскую дверь не получится. Кабина тесная, курткой за ведро обязательно зацеплюсь, и привет бабуле. ...

Ведро раскалилось, уже шипела кожа на пальцах. Я переставил ведро на сиденье и обеими руками схватился за ручку дверцы. Огонь лизал потолок кабины. Да не может быть! Я же сегодня полдня эту поганую дверь туда-сюда открывал без проблем!

Уцепившись в ручку, я ногой выбил дверцу, и прихватив раскалённое ведро, вывалился из кабины, швырнув его в одну сторону, сам упав в снег, в другую. Пламя взвилось в ночи. Подскочил Женька:

– Ты цел? – и отвёл глаза в сторону.

– Цел.

Мы помолчали с минуту.

– Женька, ты меня не вези на вокзал, мы доедем до круглосуточного, возьмем водки, а потом уже поедем. Наливай бензин!

У края посёлка Женька твёрдо сказал:

– Я тебя до вокзала довезу! До самого вокзала, и денег твоих мне не надо! Понял?

– Да, Женька. Нам с тобой надо выпить. Тормози у магазина.

Из магазина я вышел, прижимая к груди две бутылки водки, вспоминая взгляд продавщицы. Неужели у меня настолько страшное лицо, что потрясло даже деревенскую женщину?

– Держи, Женька, – я подал ему бутылку водки, открывая свою.

– Да, давай за то, что мы победили. Не чокаясь...

Мы выпили из бутылок одновременно. Холодная водка пробежала по горлу и тут же одновременно мы уставились друг на друга. Тишина повисла в воздухе.

Потом мы заговорили разом, перебивая друг друга от нахлынувшего озарения.

– Это ведь армейский грузовик!

– Двигатель многотопливный!

– Водка горит!

– Двигатель ещё не остыл!

– Заводи!

Женька включил стартер, я плеснул в мотор водки. Мотор, словно только этого и ждал, задрожал и довольно зарычал.

– Ты смотри, понравилось! А ну ещё плесни, я газу поддам.

Я плеснул ещё немного. «бб-й» взревел от счастья.

– Пьянь! – констатировал Женька.

– погоди, мы ж про Саньку в кузове забыли. Давай и ему нальём, у него спина почти прошла, сейчас выпьет и плясать будет! И водки ещё несколько бутылок купить надо для мотора.

– Ры, ры, – ответил мотор.

К вокзалу подъезжали уже совершенно экзотически. Я по-прежнему сидел на краю откинутого мотора и лил в мотор водку «Petroff». Это было гораздо удобнее, и, вдобавок, абсолютно безопасно в пожарном отношении. К тому же, сжившись с мотором, я чутко улавливал все его просьбы, и временами сам успевал перехватить глоток-другой, не забывая про Женьку.

Кончилась водка в банках, встала машина, но – у самого вокзала.

Грязные, в копоты, с безумными глазами, мы ввалились в зал ожидания. Моих на вокзале было всего шесть – из пятнадцати. Все прибыли на лесовозах, остальные ушли на зимуху, не дождавшись совсем немного. Недостаток веры – всегда плохо. Кого-либо материть за все происшедшее мы были не в силах.

– Клён, пузырь доставай. И банку тушенки. Я вас сейчас отправляю в город, а мы пить будем. Завтра вытяну остальных. Со мной остается только Литвин. Смехотун старший в поезде. Довезёшь, сдашь с рук на руки этот сброд.

Дима подал голос:

– Почему только Литвин? Я тоже остаюсь, у меня же брат в лесу...

– И я остаюсь, у меня тоже брат, – попытался влезть Суслик, — двоюродный.

– Вы на себя посмотрите, сосунки. Литвин жестокий, кому хошь в морду даст, и водку не дурак пить, он боевая единица.

Дима ударился в истерику:

– Я брата не брошу, брат один не может!

– Так, здесь сейчас будет пьянка и кураж, и вам здесь не выжить, – Медленно закипая от злости, я тихо сказал: – пошли вон, быстро! Ваш поезд через десять минут.

Мы пили на вокзале, и случайные посетители, ожидающие поезда, жались в углу. Какой-то местный коммерсант, послушав наш рассказ, подарил мне пачку сигарет «Camel» – в ту пору просто королевский подарок! Увидев сигареты, тут же подвалил какой-то высокий парень:

– Опа-на! Сигареты! Дай закурить!

Я рывком прижал его к стенке.

– Ты что, не видишь, мы с того света пришли?

– Да что ты с ним разговариваешь? – встрял Женька, – мы тут люди простые. Получи, гнида!

Я не успел его остановить. Женька каким-то образом достал кулаком до лица верзилы. Два удара пришлись в область носа. Парень обмяк и стёк по стенке.

Вдвоём мы вытащили его на улицу и бросили около урны. Откуда-то появилась вторая бутылка, третья, новые люди....

Утром я проснулся в чьем-то доме, на чьей-то кровати, укрытый свитерами, полотенцами, какими-то тряпками. Н-да, помнится ночью мне было холодно... Литвин скрючившись, спал на полу, возле кровати. С него я видимо тряпки и стаскивал....

Голова болела. Я принял вертикальное положение, поднялся и Литвин. Хмуро собрались, нашли в сенях кусок мороженого мяса, пожарили, перекусили. Молча побрели на вокзал. Первые лесовозы должно быть уже ушли, время еще есть. Оставив Литвина на вокзале, побрел к выезду из деревни, ловить машины.

– Сиди, рюкзаки охраняй. Я приду к обеду, если ничего не найду. Но ведь надо найти....

– Ага. Иди. Я тоже так себе....

Голова по-прежнему болела, мне нужно было время, прийти в норму. На лесоскладе меня окликнули мужики:

– Ты как, живой?

Оказывается, вчера вместе гуляли. Лесовозов они в ту сторону не обещают, может, вообще сегодня не будет. Я присел на бревно, задумался. Ехать в тайгу или ждать здесь? Нанимать еще машину? А они опять не выйдут к трассе или лесовозами уедут! Как жаль, нет рации. Информация нужна, как воздух.

– Ты на выезде подежурь, может какой залётный пойдёт? Завернёшь его за деньги....

На выезде из деревни я развел костер, нашел в кювете консервную банку, набил снегом, вскипятил воды, выпил. Стало хорошо.

Покурил. Мимо пролетали лесовозы, но в тайгу – не брали, а обратно шли пустые, без моих. Эти берут лес по другой дороге, совсем не в той стороне.

...На той стороне тайги в зимовье проснулись оставшиеся. Пересчитав продукты, сделали вывод, что им хватит на два дня.

– К дороге пойдём?

– Башмаки ещё не высохли. Снова у костра весь день сидеть.... Холодно.

– Неизвестно, когда машина будет. А может её совсем не будет?

– Да, давайте здесь пока останемся.

Людей сломало ожидание и пустота тайги.

...Время приближалось к обеду. В кармане комбинезона нашлось несколько упаковок приправы от лапши. Я разводил их в кипятке и пил. Какая – никакая, а все ж еда.

После полудня стало ясно, сидеть bestолку. Затянул португепю ещё на одну дырочку. Пересчитал оставшиеся деньги. Негусто. Надо найти машину и ехать. Поташился в деревню. Мышцы болят, да и есть охота.

Зашёл на вокзал. На вокзале – голодный Литвин.

– Как тут, тихо? – спросил его.

– Никого, вчера мы всех разогнажи.

– Это хорошо, пусть боятся. Пойду дальше машину искать. Ну а не найду, сготовим с тобой лапши. Потерпи.

Про лапшу я так сказал. Не лапши, ни котелка, всё в тайге. Разве что мой армейский, так лапши всё равно нет. Деньги сперва только на машину.

Потом я долго шараялся по деревне, приставая ко всем встречным с вопросом, где достать машину. Уже садилось солнце, заливая окрестности красным светом, у моих ног раскинулась серая деревня. Ещё немного, и меня тошнить станет от этой панорамы. Полчаса поисков, и надо будет думать о собственной участи, где ночевать, что варить на ужин, из чего и где?

Какой-то встречный мужик, такой же усталый, как и я, махнул рукой:

– Вон «скорая» стоит, спроси, доведет, – и сам остановил зеленый «Уазик».

– Выручи человека?

– А что за дело?

– Здорово, – я протянул руку, – народ мне вытащить надо.

– Здорово. – Водитель «санитарки» пожал мне руку. Я поморщился, обожженная ладонь откликнулась ноющей болью.

Я его знал. Человек этот ничуть не менялся со временем. И десять, и двадцать лет назад он был таким, как был – крепкий, спокойный, неопределённого возраста. В меру морщин и волосы не тронула седина.

– Так что, в тайгу сгоняем?

– Сгонять-то в тайгу можно, а бензин где брать будешь? – согласился водитель, и посмотрел испытующе.

– Вам тут лучше знать, я плачу за машину.

– Ладно, садись. Сейчас до начальника моего смотаемся, без его ведома никак нельзя. У него же и заправимся. Меня Сан Саныч Санитар зовут.

– Я тебя вспомнил.

Пока залились бензином у шефа «санитарки», пока получили его разрешение – выехали, как и вчера, под темноту. Водитель был Водителем с большой буквы. Легко и спокойно он гнал машину, и она мягко входила в повороты, с удовольствием слушаясь его. Все мы водители, но вот возьми двух: Санитара Сан Саныча и Женьку Кота. Оба профессионалы, оба одной отвёрткой на коленке двигатель разберут-соберут, оба в снегах всю жизнь машины водят. Только от Кота нестабильность исходит, напряжение и авантюризм, а с Санитаром как у бога за пазухой.

На Горбатом, когда «Уазик» прыгнул вверх и вниз, немного, на метр, сердце ушло в пятки. Я закурил сигарету, и прижал руку к груди.

– Что, страшно? – засмеялся водитель.

– Да, после вчерашнего прихватывает, – без эмоций ответил я. – Знаешь, как мы вчера тут летели? Останови, померим.

Я насчитал двадцать восемь полных шагов по следам колёс.

– Ни хрена себе, – удивился Сан Саныч, – хотел бы я на ваш полёт в натуре посмотреть.

– Да мы вообще чуть не сдохли от страха!

Я стал рассказывать водителю про вчерашние приключения.

– Во вы дали! – с уважением произнёс водитель, дослушав рассказ до конца.

– Да в задницу такие приключения. Лучше бы я тебя вчера встретил. Где же ты был?

– В Армию ездил. Не в нашу, в военную, а деревня так называется, Армия. Эвенкийское название, речка между болотами.

– А, тогда не в Армию, а в Аримию.

– Ну тогда уж в Аритмию. Мы ж медики. Завтра шефу скажу, посмеёмся. Спросит: куда поехал? А я отвечу: в Аритмию!

– Аримия, так правильнее. Мия – увеличение, «кан» уменьшение.

– С эвенками знаешься? – Санитар с интересом посмотрел на меня.

– Люблю. – Перед глазами появилась эвенкийка Марья. Её раскосые глаза ласково смотрели на меня. Красный обтягивающий свитер туго облегал стройное тело с фантастически красивой, упругой грудью, на которой так уютно было лежать в снегу под низкорослыми лиственницами. Марья сейчас на дальнем стойбище, лечит своих оленеводов. Хунат аичимни, the doctor for my heart....

– А, тоже запал? – засмеялся Сан Саныч, – не зря говорят, что у них поперёк.... Да ты не обижайся, не дёргайся. Я же тебя развлекаю, а то ты на человека сейчас мало похож. Волк северный. Ты бы поспал, пока едем, так не уснёшь ведь!

– Куда мне спать? Мне продержаться надо ещё полночи.

– Знаю. А то уснёшь, и развезёт. Потому давай говорить.

Приближаясь к свороту, я настраивался на худшее. Если не выйдут к дороге, придется идти на зимуху. Не идти, бежать.

Скрылось солнце, померкло небо. «Узик» петлял по предгорьям Инэгчэ-ми Гида. Снова наваливалась ночь. Не проблема, если бы был фонарь, но в те годы фонари и батарейки были не всегда, места занимали много, и потому под рукой их часто не оказывалось.

Из ниоткуда появилось чувство, что снова на отвороте никого не будет. Я обратился к водителю:

– Слушай, я сейчас побегу на зимуху, если никого на дороге не будет, а их не будет. Ты стой, жди. У меня больше нет сил и времени искать новую машину. Я быстро.

А как быстро – пять километров туда, пять обратно, вверх-вниз, ночью, по снегу?

– Я буду ждать, не беспокойся, – ответил мужик.

Отворот! Никого! Только темнота и первые звёзды над лиственницами.

– Все, жди! Дождись меня, прошу!

Шершавая ладонь водителя в темноте нащупала мою обожжённую ладонь.

– Дождусь! Верь мне! – он пожал мне руку.

Я скинул с себя лишнюю одежду, оставшись только в комбинезоне, скинул шапку, и побежал вверх по снежному склону.

Вскоре пришлось достать из-за пазухи пистолет, поскольку он больно колотил по ребрам при беге, и взять его в руку. Зарница, в натуре, мрачно ухмылялся я, шестым чувством угадывая под ногами тропу. Луна еще висела в густых ветках елок, и толку от нее было мало.

К своему удивлению я все ещё бежал, ни разу не перейдя на шаг, и вверх сопки, и вниз. Хотя честно думал, что задохнусь ещё на первом подъеме, ведь гнилая прошлая ночь, водка, усталость, голод....

Но всему приходит конец. Я бежал до тех пор, пока луна не стала красной. Все, шагом, а то свалюсь. В голове тугим комком билась кровь.

На последнем перевале перед зимовьем я остановился и полез в карман за ручной ракетой. Ракеты в кармане не оказалось. Я перерыл все карманы, хотя уже знал, что ракета выпала при беге. Досадую на свою оплошность, ведь осталось около километра с поворотами, поднял пистолет к чёрному небу.

Не сильно веря, что меня услышат, просто выстрелил в воздух. Выстрел подстегнул меня, и я бросился бежать снова. На бегу вниз, к ручью, стрелял ещё и ещё, пока не кончились патроны. Но уже близко горел костер. Я так и ввалился в круг света – распаренный, с пистолетом в руке.

– Быстро, собираться и бегом к дороге!

Но и без того в лагере суетились, запаковывая барахло, услышав выстрелы с перевала. Кто-то шибко умный догадался, что это не охотники, а я приехал.

– Сержант, построить группу! Чаю мне дайте!

– Мы какао со сгущёнкой пьём, чая нет..., – сунулся Андрей.

– Дорогие мои ушлёпки! Какао даже лучше, я целый день ничего не ел.

– Становись! Ильич, за время твоего отсутствия ничего не произошло. Группа отдыхает, заболевших и раненых нет. Докладывает сержант Татарин...

– Заткнись, Татарин. С тобой я потом разберусь. Нахрена раньше времени группу увёл вчера? Почему сегодня к дороге не вышли? Какой ты нахрен сержант? Ефрейтор без лычек... Да, сломала тебя таки тайга. Ладно, не грузись сильно, тайга и не таких по первости ломает.

– Слушайте внимательно, и постарайтесь меня понять и проникнуться. Сейчас положение таково: машина стоит в пяти километрах. Сюда она пройти не может, глубокий снег. Времени у нас осталось полчаса, ну край минут сорок. Теперь вы все бежите к дороге, не быстро идёте, а бежите, бежите максимально быстро. Привалов не будет. Головной – Татарин. Я замыкаю. Ну, что встали? Вперёд, бегом, марш!

Дождавшись последнего из моих, я выпил пару кружек какао и зашагал обратно. Далеко не уйдут, обязательно затупят, догоню.

Без замыкающего-подгоняющего группа действительно растянулась в ночи. Догнав последних, которые лишь изображали бег, я заорал на всю тайгу:

– Вы что, не поняли? Бегом марш! Быстро, быстро, давайте, подтянулись! Догнать, зубами зацепиться за первых.

Группа вновь собралась воедино.

Потом я бежал за последним, почти оперев ему в спину пустой пистолет.

– Кто ход сбавит, – стреляю!

Луна отбрасывала от нас интересные тени. Сначала была военная игра «Зарница», теперь – приключенческий боевик. Зимняя тайга, тени людей с мешками, и одна, последняя тень с пистолетом позади. Шпионы? Диверсанты?

Народ наконец проникся, бежали очень быстро. Возможно их тоже вставили тени, бегущие рядом по снегу.

Вниз к дороге, где тускло светились подфарники «санитарки», уже неслись вприпрыжку, набрав скорость.

У машины по кругу пошла последняя пачка сигарет.

– Курите, управляйтесь. Останавливаться на перекуры не будем. Ну, вроде всё. Машина небольшая, и как вы тут разместитесь, меня совершенно не волнует. Я еду в кабине. Татарин, покомандуй погрузкой. До встречи на станции.

Загрузились. Я упал на сиденье, откинувшись на спинку, и закрыл глаза. Одежда была насквозь мокрая, стекла сразу запотели.

– Я спас всех. Окна у тебя запотели, извини, мокрый.

– Не беспокойся, отдыхай, – сказал водитель, и, включив печку на полную мощность, плавно тронулся, – Довезу в лучшем виде!

... Не сразу, не быстро, было найдено это странное место под названием Инэтчэ-ми Гида, где впоследствии развернулись эти события.

Август. Север края. Начало

*После того как человек одиножды
преодолеет границу своей реальности,
никаких границ для него больше не существует.
Разве что воспоминания о том, что они были.*

Макс Фрай.

...Будучи в поселке Хайкан и ожидая машины до Эмкэрмакита, я познакомился с местным учителем – краеведом. Он, узнав, что я не геолог, потащил в свой музей.

– Хоть один цивилизованный человек попался! – радостно восклицал он, ведя меня к школе. – Мы тут по мере сил собираем следы ушедшего, а кто на это смотрит? Я в школьниках стараюсь интерес поддержать к родному краю. Экспонаты собираем, директор, вон, комнату дал, оформили экспозицию. . . . Но ведь гости у нас нечасто, а так хочется показать свою работу!

– Да, да, это важное дело – музей, – поддакивал я, поспешая за учителем. Мы должны знать свою историю, да и детей приучать к этому.

Учитель, чисто и опрятно одетый, с очками на худощавом лице, был как с картинки советских времён, словно олицетворяя собой стремление передавать знания, зажигать и вести за собой. Сведущий в любых вопросах, умеющий найти подход к любому ребёнку. Уходящий, как класс, увы, – с грустью отметил я. Его новый костюм и аккуратные полуботинки не могли скрыть пропасть лет, лежавшую между нами. Это выдавала даже его старая «покия», которую он сжимал в руке. Заметив мой вопросительный взгляд, он с готовностью откликнулся.

– Телефон? Телефон нужен для связи, не более.

– А как же интернет, соцсети?

– Зачем он мне в телефоне? Я дома на компьютере посмотрю, если что надо. «Одноглазников» не люблю и не понимаю. Чем мне хвалиться, разве своими учениками. Они у меня хорошие, только кому это в соцсетях интересно.

– Возможно, вы и правы.

– У вас, в городе, хорошо, музей большой, всегда что-то новенькое. О жизни малых народностей целый зал, у нас же все в одной комнатке.

– Да, недавно новую экспозицию открыли, – ответил я, вспомнив газетную статейку, и подумав, что сам не был в музее лет десять. Надо бы заметку дать в газету об этом музейчике, пусть учитель порадует. Как приеду в город, попробую написать.

– А про машину не беспокойтесь, – продолжал учитель, – я сказал в конторе, заедут за вами в школу.

– Конечно, – кивнул я, – спасибо вам.

Не сказать, что я очень люблю маленькие музеи. Хоть в них и попадаются интересные вещи, но большей частью приходится с умным лицом смотреть на пожелтевшие бумажки, разглядывать бабушкины угольные утюги, и тусклые помятые самовары. Здесь не избежать нудного гостеприимства хозяев, представляющих свое любимое детище. Это в больших музеях можно спокойно стоять у витрин, чувствуя пыль былого.

– Ну вот мы и пришли! – воскликнул мой провожатый, останавливаясь у кирпичного одноэтажного здания. – Это наша школа, а музей вот, рядом с директорским кабинетом. – Он забренчал ключами.

В музейной комнате действительно оказался старый самовар, ржавые куски ружья, какие-то фотографии, бумаги. Ну не дорос я ещё до очарования музеями! Несколько каменных

наконечников стрел, древние бусы, явно джурчженьской⁹ работы, большой кусок темно-серого камня с какими-то письменами, треснувший старательский лоток....

У камня я остановился, узнав известняк¹⁰. Словно повеяло на миг пещерным холодом.

– А что, у вас тут пещеры есть, не слышно? – спросил я учителя.

– Нет, никто ничего не говорил. Да и мы с учениками по округе ходим, но ничего не встречали.

Видя, что я собрался отойти к другому экспонату, учитель торопливо сказал:

– Тут на камне слова, нам их даже перевели. Эдакий «антивоенный» текст получился.

Я нагнулся над камнем. Рядом лежала отпечатанная бумажка.

«В час, когда страх сожмет твою душу, и крылья тьмы закроют путь к свету – сломай копьё».

– И откуда это у вас? – из вежливости поинтересовался я, думая о глупости древних – ломать копьё, когда кругом враги и тьма!

– В реке пацаны нашли, километров пятьдесят отсюда. На рыбалку ездили, и нашли. Посмотрели, что буквы непонятные, иероглифы, решили во что бы то ни стало донести и в музей поставить.

Я повернулся к старому, потемневшему старательскому лотку, но тут за окном просигналила машина.

– Это за вами, – заторопился учитель.

– Большое спасибо за экскурсию, – поблагодарил я, пожав ему руку, – случись ещё раз здесь, непременно зайду.

Трясаясь в машине, я еще раз вспомнил текст на камне. «Сломай копьё!», да! Глупости.

Я много путешествую. Выйдя из среды туризма, я не стал туристом, и не люблю это слово. Турист – это некий праздношатающийся субъект, который если побогаче, то парит ласты в Майами, если поглупее и посильнее – то штурмует высочайшие вершины или глубочайшие пещеры. А я путешествую. Меня влекут тайны земли, громады гор и просторы тайги. Это не туризм, это другая, альтернативная жизнь. То, что могло стать судьбой, но не стало. Тонкая нить бытия, где вправо и влево реальность, а посередине грань ожидания. И я волен выбирать себе любую жизнь. Разговоры, встречи в пути, размышления о закономерностях жизни наполняют мои дороги. Говорят, таким, как мне, надо было жить лет сто-двести назад, когда не телефон, а нож на поясе определял статус владельца. «Smith-Wesson» калибра тридцать восемь – друг мой до последней перестрелки, если мы о чём-нибудь и просим, это чтоб подохнуть не у стенки», как-то так. Ходить с Арсеньевым и Пржевальским, открывать Америки с Колумбом и Васькой, который с гаммой. После открытия очередной Америки, отлежавшись на мягкой постели, снова уходить дальше, зная, что «где-то есть окраина, туда, за тропик Козе-рога, где капитана с ликом Каина легла ужасная дорога».

...Но больше всего я люблю пещеры. Нет, не те, большие и спортивные, в которые так любят ходить наши спелеотуристы, а маленькие, неинтересные для них. Пещера, открытая человеком, не должна быть им забыта, иначе там поселяется грусть. Да и в таких небольших пещерах всегда есть что-то живое, непонятное. И есть время остановившись, почувствовать это. В спортивных шахтах тебе не до ощущений, там идет борьба за жизнь. Глупо –

⁹ Джурчжени – племена, населявшие в X – XV вв. территорию Маньчжурии, Центрального и Северо-Восточного Китая, Северной Кореи и Приморского края. Родственный им народ – эвенки, или как их называли раньше, тунгусы.

¹⁰ Известняк – осадочная горная порода органического, реже хемогенного происхождения, состоящая преимущественно из карбоната кальция (CaCO₃). Карбонат кальция способен медленно растворяться в воде, а также разлагаться на углекислый газ и соответствующие запчасты. Первый процесс – важнейший фактор образования карста, второй, происходящий на больших глубинах под действием глубинного тепла Земли, даёт источник газа для минеральных вод. Благодаря широкому распространению, легкости обработки и химическим свойствам известняк добывается и используется в большей степени, чем другие породы, уступая в этом только песчано-гравийным отложениям. Известняки бывают разных цветов, включая черный, но чаще всего встречаются породы белого, серого или коричневого цвета.

забраться на глубину, в сердце земли, и начать бороться с природой. Там не до красоты. Луч налобника на миг вырвет из тьмы фантастическую натечку на стенах, скользнет в сторону, и опять ты видишь все то же: карабины, веревки, самохваты, баллоны с воздухом для акваланга, репшнуры... Мимо тебя летят потоки воды, низвергающиеся из верхнего колодца, и в голове одно: пройти, быстрее пройти! А в маленьких пещерах стены дышат, смотрят на тебя, прислушиваются к твоим шагам. Они хранят ушедшее время. Под ногой хрустит камень, где-то капает вода. Слышно, как шуршит крыльями проснувшаяся летучая мышь.

Чем же притягивают и как возникают эти прибежища вечного мрака?

Пещеры образуются, когда бегущая вода размывает кальцийсодержащий минерал – известняк или гипс. На экзотику типа пещер в NaCl или в вулканической лаве я не обращаю особого внимания. Интересно конечно, но рядом у нас их нет. Камчатка далеко а Удалянчи в сопредельном Китае. Лавовые пещеры к тому же чаще имеют стены, достаточно неприятные, и они больше подходят под определение «жилище Люцифера». Сказочные чертоги – не про них сказано. Доломиты и конгломераты также являются поставщиком пещер, но здесь не лекция по карстоведению.

Самый простой случай формирования величайших пещер – это развитие по типу речных русел. Подземная река, получающая основной объём питания через один вход, протекая по слабонаклонным известнякам, образует меандрирующую полость без боковых притоков. С увеличением угла падения пластов образуются колодцы и шахты различной глубиной, иногда более 200 метров. Нередко ходы образуют сложную спираль, отдельные изгибы которых в плане накладываются друг на друга. Развитием первого случая, обусловленным в основном особенностями геологического строения района, является появление в средней и нижней частях системы расширений, так называемых залов. Огромную роль в их образовании играют также тектонические нарушения. Залы могут иметь колоссальные размеры. Например зал в малазийской пещере Лубанг¹¹. В длину он больше 700 метров, в ширину больше 500, высота 131 м. Его площадь 154 500 м², а объём составляет 9,64 млн. кубометров. Миллионы кубометров нас мало интересуют, представить такое всё равно невозможно.

Когда три английских спелеолога прошли по галерее более километра и оказались в таком объёме, они офонарели, не сумев его осветить своими мощными фонарями. Рассчитано, что в зале такой площади могут разместиться полсотни самолётов Боинг 747. Говорят, что специалисты по горной механике до сих пор в шоке и не могут однозначно решить – каким образом зал сформировался, и какие силы удерживают гигантский безопорный свод.

Дальнейшее развитие подземной речной системы – принятие ею многочисленных притоков. Как и наземные реки, такие пещеры имеют рисунок, определяемый развитием трещин и характером питания. Если развитие пещеры происходит при поднятии горного массива или при врезании равнинных рек в водораздельные пространства, возникают многоэтажные системы, отдельные части которых связаны между собой колодцами или сифонными каналами. При этом отмечается наличие на всех этажах следов эрозионной деятельности воды и песчано-глинистых отложений.

Темнота и неизменная температура, тишина и влажность, отсутствие крупных жизненных форм привлекают в спелеотуризм некоторое количество населения, ищущего острых, отличных от альпинизма, ощущений, ошибочно полагая, что это более лёгкое приложение собственных сил. Из этого некоторого количества совсем небольшой процент составляют истинные исследователи, находящие радость в разгадывании ребусов природы и возможно желающие стать первооткрывателями.

¹¹ Лубанг – фигня какая-то. Малайзия далеко, климат тёплый, морской. Вот и образуются там всякие подземные монстры, в которых ходить страшно. Зато какое эпическое кино снимать можно! (см. «Санкиум»).

И покорённый навсегда,
решишь судьбы своей вопрос,
Стремиться будешь ты туда,
где столько сказок и угроз,

Туда, где шорохи живут,
цветы из камня где цветут,
И пусть по службе обойдут,
пусть ненормальным назовут.

В охрипшем хоре трезвых голосов,
В тоске под сводом неба голубым.
Ты будешь слышать сердцем вечный зов,
Непройденных, ненайденных глубин.¹²

Вообще-то значимость карста¹³ в народном хозяйстве невелика, и более стремится к рекреационному туризму, чем к строительству. В самом деле, вот у вас деревяшка, изъеденная жуком-короедом. Как деловая древесина, она уже не пойдёт, а вот для художника может и сгодится. Мастер усмотрит в узорах прогрызенных ходов рисунок и сотворит картину. Так и с подземными полостями.

И ещё немаловажный момент. Где сегодня на Земле ещё можно ощутить себя первооткрывателем не своего микроуровня, а планетарного масштаба? Первооткрывателем своего уровня ты можешь стать, зайдя на соседнюю улицу, где ещё никогда не был, это же первопрохождение для себя лично! Ну где же ещё что не открыто? Все вершины покорены, все материки обнаружены. В космос уже летают туристы, готовится колонизация Луны и полёт к Марсу. Мыши, так вообще в космосе прописались, гоняют туда-сюда. Потом мы удивляемся, почему везде, где есть люди, есть мыши?

Такой, высшей по эмоциям радости первооткрывания, не почувствовать уже нигде. Кроме как под землёй.

...Но зато темноту растворив,
Будут первыми их фонари.
Первым следом по мокрым камням,
Проскользит их истёртый вибрам....

...Возможно Хайканский музей так и забылся бы в массе впечатлений и мыслей, что рождались в тишине девственной природы. Но, видно побывав в нём, я, не подозревая, нажал на клавиши другой реальности. Что-то сместилось в пространстве.

...Выйдя на низкий каменистый берег ручья, я решил устроить привал, вскипятить чаю. Потом пошел на перекаат покидать мушку. С противоположной стороны реки вдруг раздвинулись кусты, и из них вышел олень с сидящим на нем эвенком. Олень перешел речку, поравнялся со мной. Я с любопытством оглядел животное и сидящего на нем старика. Времена оленеводов-кочевников проходят.

– Слазь, что – ли, чай пить будем, – пригласил я эвенка.
Он кивнул, и легко спрыгнул с оленя.

¹² «Марш французских спелеологов», Александр Ефремов

¹³ Карст – процесс рождения пещер и прочих интересных преобразований растворимых горных пород.

– Знаю тебя, знаю. Наши говорили. Про Марью твою знаю. Хунат аичимни¹⁴.

– Гиркив кэтэ. У меня много друзей.

– Агиду гиркичи ая бивки.

– В тайге с другом легко, – повторил я. – Без друга плохо.

После чая мы сидели у догорающего костра и курили. Я, расспрашивая эвенка об этих местах, спросил о карстовом плато Хайгдже, о пещерах.

– Ты не боишься пещер, лючи¹⁵? – спросил он.

– Нет, не боюсь. Я часто хожу в них.

– Мы не любим пещеры. Черт в них живет, однако. Мы кочевой народ. Раньше мы кочевали до Амура, большой народ был. Знаем эту землю. Нам не надо тьмы, мы солнце любим. Би агиду бидем¹⁶.

Старик помолчал.

– Старики говорили, есть на севере страшное место, много дыр в земле, Огонь из них идет, плохо там человеку. Каменное копьё стережет вход туда. Кто завладеет копьём, тот прогонит зло.

Я отпил из кружки холодного чая. Перепутано все у эвенков, темные люди. В духов верят. Огонь из земли – вулкан.... При чем здесь пещеры? Да и нет тут действующих вулканов. Это на Камчатке есть. Разве что Новокаменский останец, последний из гряды вулканов Удалянчи? Ну, Удалянчи строго говоря не совсем погасли.... Сам у фумарол стоял. Так Новокаменский уж давно мёртв, и никогда не проснётся.

– Ровное это место, – продолжал старик. Лес растет, гнилой, однако. Рукой тронешь – падает. Ямы вокруг. К черту, нани¹⁷ зовут его Когдям, вход. Старики говорили. Они сами не видели, их предки ходили там. Мой дед не ходил, отец не ходил. Худое место. На берегу реки отдельная скала стоит, на ней слова писаны. Йдук дукувун¹⁸? Не наши писали, другой люди, древний.

Старик откинул голову и закрыл глаза.

– Бойся путник духов земли, – начал он. Голос его стал глухой и далекий, словно разверзлась бездна времен.

– Глаз стережет эти провалы. В час, когда страх сожмет твою душу, и крылья тьмы закроют путь к свету – сломай копьё. Все станет как прежде, и ты забудешь ужас глубин....

Я вздрогнул. Это же те слова, на камне из музея! Его нашли в реке, видно текст полностью не сохранился. Рассказ эвенка прозвучал бы как сказка, но я своими глазами видел этот текст.

– Далеко это место? – быстро спросил я эвенка.

Старик посмотрел на север, подумал.

– Мевон-Наксан, там где-то. Речка маленькая, Улсикан. Шесть ручьев впадают в нее. На одном из них, однако. Инэтче-ми Гида, так зовётся. Не надо тебе ходить туда.

Я мысленно представил карту. От Хайкана до Ира километров сто. Потом безымянный хребет, потом тундра. На границе тундры высокие горы Мевон-Наксан-Яна. Если считать что названия не изменились, речку найти можно. Яна – приставка, бок скалы обозначающая, не в счёт, её кто-то просто приделал, допустим.

Допив чай, я поблагодарил старика, и мы разошлись в разные стороны. Качнулись кусты, и вновь вокруг только тайга. Мой путь лежал на карстовое плато Хайгдже, где земля изрыта

¹⁴ Девушка-врач (эвенк.)

¹⁵ Русский (эвенк.)

¹⁶ Я живу в тайге (эвенк.)

¹⁷ Нанайцы. Самоназвание. (нан.)

¹⁸ Откуда письмо? (эвенк.)

воронками, и ручьи исчезают в понорах¹⁹. Шагая по мху, я размышлял об услышанном. Вновь и вновь прокручивая в памяти надпись на камне, мучительно старался вспомнить нечто ускользающее, но важное. На фразе «глаз стережет эти провалы» я вдруг споткнулся, вспомнив странный случай, произошедший год назад. Тогда я гостил у одного геолога в поселке рудокопов, что в Дальних горах, в Приморье.

– Хочешь в пещеру сходить? – спросил меня геолог как-то вечером. Тут, прямо над поселком она.

– Конечно, схожу, – откликнулся я, – рассказывай, где.

И утром, налегке зашагал вверх по склону. На середине сопки действительно чернел провал. Упавший тополь разделил входное отверстие на две части. Я достал фонарь, проверил его, посмотрел по сторонам. С этой высоты поселок как на ладони. Со всех сторон встали голые сопки с засохшими дубами и сбросившим листву прочим деревом. На востоке из-за вершины выкатывалось солнце. Его лучи уже гладили противоположный борт долины. Пещера мертва, подумалось мне. Нет жизни во тьме у моих ног.

Спустившись в воронку, я постоял, привыкая. Включил свет. Сухая тишина вокруг, стены избиты трещинами. Здесь оказался всего один зал, без сталактитов и каменных занавесей. Я поднял плитку известняка, поломал ее и, почувствовав легкое касание страха, бросил обломки на пол. Что-то неживое, древнее словно смотрело на меня. Мертвая тьма пустыми глазами мертвой пещеры. Я еще раз обошел зал. Луч фонаря высветил щербатый потолок, коричневую пыль на стенах, битый камень на полу. Наверное, так же выглядят гробницы фараонов. Прах былого тупо и без эмоций смотрит на тебя. Я попытался определить тип этой полости, и не смог. В ее рождении словно не было живой воды. Полость была больше, но сопка, разрушаясь, срезала часть пещеры. Ну и как обычно, пол здесь подвесной, образованный из обломков глыб, упавших со свода. Только пол не цементирован глиной, а словно после взрыва засыпан камнем. И неуютно здесь как-то, тревога в душе.

Выбравшись из пещеры, пошел в поселок. Ерунда какая-то. Пещера мертва, но раньше здесь был большой страх.

Вечером мы с геологом пили чай, сидя на веранде картонного домика, и разговаривали. Домик действительно был из картона, бревенчатые только опоры, выступающие из земли метра на полтора, да каркас.

– Зачем это, Саша? – поинтересовался я.

– Сыро тут, в долине, вот и подняли. А что картон, так его у нас навалом, ящики всякие. Мы к тому же здесь только сезон стоим, на зиму в город уходим.

Он помолчал и добавил: – Да и если тряхнет, не страшно.

– А что, бывает?

– Черт его знает. По всем данным мы не в сейсмической зоне, Но вот как сюда только пришли, так было несколько толчков. Скала в долину сползла. Правда, дождь был сильный, может от этого она и поехала. Это явление «крип» называется. А когда упала – земля и загудела. Ты лучше расскажи, как сходил?

– В пещеру-то? Нормально. Неинтересная какая-то. Тихо, сухо. Как она хоть называется?

– Глаз, – ответил Саша.

– Что глаз? – не понял я.

– Ну, пещера так называется – Глаз.

– Почему?

– Почему, почему, – разволновался вдруг Саша. – Откуда я знаю почему. Назвали и ладно. Словно смотрит она на тебя всегда. Смотрела, – поправился он. – Та скала, что вниз

¹⁹ Понор – отверстие в горной породе, поглощающее постоянный или временный водоток, а также карстовая воронка с таким отверстием.

рухнула, недалеко от пещеры стояла, она и срезала половину. Так на скале надпись какая-то была старая, полустертая, иероглифами. И один иероглиф так и переводился: «глаз». Потом ещё «страх» и «копье» вроде. Китайские иероглифы, здесь же до революции китайцы всюду шастали, женьшень искали. Я как-то в разрушенной фанзе их монету нашел даже. Империи Цинь. Вон, на полке книга лежит по древнему Китаю, там такая же монета нарисована. Я китайский не сильно хорошо знаю, дилетант.

На полке помимо нескольких книг стояли разные камни, кристаллы кварца, граната, данбурита²⁰, аметиста. Увидев сталактит, я взял его.

– Это я знаю! Здесь нашел?

– Знаешь? А из чего он? – задумчиво спросил Саша.

– Хм, из... Из грандиорита²¹?!

– Ага. А должен быть из известняка. Здесь. В пещере, которая Глаз называется. Забавная штука. Это какое же пламя нужно, оплавить камень?

– А что такого, газовый пузырь в лаве. Расплав камня пока застыл, вот и вытянулся сталактитом.

– Да пошёл ты! Ты тут лаву где видел? В карстовой пещере я его нашёл, хотя ты прав наверное. Нет, стой, на ещё вариант, – он достал с полки другой сталактит. Что скажешь?

Сталактит был обычный, кальцитовый, самый что ни на есть. И всё же... Центральный канал роста отсутствовал. Тоже расплав.

– Ну не знаю, всякое бывает. Тоже здесь?

– Тоже. А мне та пещера не нравится. Тревога от неё исходит.

– Ну есть такое, я тоже почувствовал, но списал на своё одиночество в незнакомом месте, но ты же геофизик, а значит – материалист. Не тебе рассуждать о запредельном мире. Это мне можно, я географ. Ладно, завтра в штольню идём?

– Идём, конечно. Данбуриты должны быть, их не может не быть.

Забытый эпизод, как ни странно всплыл в памяти сегодня. Многие вещи, происходящие с нами, теряются в суете событий. Откуда мы знаем, что подсунет нам память завтра, и как оно пригодится нам?

Выходит, что «глаз» название какого-то древнего зла, сгинувшего в бездне веков, так что ли? Ведь никто из ходящих по пещерам в наше время не встречал ничего странного. Разве что следы «белого спелеолога», которым пугают новичков. Я не скажу ничего плохого об этой легенде, потому что сам я пока хожу в подземелья.

Не стоит смеяться над неизвестностью темноты, когда ты внутри неё. Но действительно в рассказах о «белом спелеологе» много от легенды, придуманной, чтобы посмеяться над новичками. А посмотри на это дело с другой стороны: есть чёрный альпинист, есть йети – снежный человек. Ты же тоже в них не особо верил.

Не верил, пока не случился случай на Памире, тавтология такая: «случился случай». Я не забуду тот ужас, который пронзил меня лунной июльской ночью. Ладно, для разгрузки читателя от пещер, вспомню.

²⁰ Данбурит – редкий коллекционный минерал подкласса боросиликатов, силикат кальция. Прекрасный образчик «псевдоалмаза». И ничем его, подлюку не отличить от брульянта горожанину. Мягкий только. Бриллиант – тот в этом смысле – царь!

²¹ Гранодиорит – (англ. granodiorite; нем. Granodiorit; фр. granodiorite) – полнокристаллическая горная порода «не нашим и не вашим», между гранитом и кварцевым диоритом, состоящая на 65—90% из плагиоклаза (андезит, иногда олигоклаз), калиево-натриевого полевого шпата, кварца, роговой обманки, биотита, иногда пироксена. Присутствующие минералы: сфен, апатит, магнетит, реже циркон и др. Отличается от гранита более основным составом плагиоклаза (анортозита 30—50%) при содержании цветных минералов до 25%. Когда анортозита много – вообще вынос мозга, это надо видеть.

Всё это было на самом деле, и я готов подписаться под каждым словом, да что толку, объяснения-то нет. А свидетельница, что она скажет? Мол да, не спали, было. А остальных, человек сорок, что чёрным мороком накрыло?

Вот как дело было: оказался я в горах Памира, да не один.

В общем лежали мы с девушкой лунной ночью в своём шатре у подножия невысокой горы, сплошь из сыпучих камней. Ни деревца вокруг, ни кустика, только травка, мелко подстриженная овцами да яками и камни, которые громяхают при ходьбе. Камни те ломаны плитками, и никак по ним не пройдёшь, чтобы не звякнуть и осыпи не вызвать.

Рядом другие палатки стоят, таких же альпинистов придурочных, а чуть дальше лагерь пастухов горных, они там яков пасли. Собаки у пастухов огромные, что волки северные. Килограммов по 60, не меньше. Только называются по-другому, типа алабай, что ли. Яки вообще отдельная тема. Я когда яка первый раз увидел, как он из-за вершинки вывернул и ко мне кинулся, сразу подумал – чёрт бежит. Хана пришла. Чёрный, рога огромные, острые, борода развевается. Чудес на Востоке много.

Отвлёкся. Лежим мы и само собой не спим, шепчемся обо всём на свете. Ночь такая лунная-лунная, как в песне – «хоть иголки собирай». Романтика! Вдруг на вершине камни громыхнули. Потом ещё раз. Собаки заволновались. Камни зашуршали, словно кто-то вниз спускается. Собаки залаяли злобно. А тот, кто спускается, на них внимания не обращает. Шаги всё ближе к подножию, и понимаю – двуногий идёт. Поначалу не страшно было, ведь рядом собаки такие, что даже нашего дальневосточного тигра в куски порвут. У среднеазиатских собак пастушьих охрана и боевые качества в отличие от других собак не выведены селекцией, они на генетическом уровне.

А потом ужас накатил.

Надо заметить, спим мы в горах по альпинистскому порядку, головой ко входу, так типа быстрее выпрыгнуть, когда лавина нагрянет. Ботинки там же, ледоруб под головой. Мне так совсем неудобно, но что поделаешь, приказ. Так вот, шаги приближаются, тяжёлые, уверенные. Собаки просто с ума сходят, но к нашей палатке не подходят, словно боятся. А вокруг все спят, как убитые. Шаги к нашей палатке приблизились. Кто-то большой постоял, послушал, обошёл вокруг палатки и остановился над нами. Ни дыхания его не слышно, ни хруста камня, но мы знаем, что стоит и на палатку смотрит. Ужас просто накрыл нас, пока он стоял рядом. А выскочить не могу, ледоруб-то хоть и под головой, да под палаткой. Как я тогда про карабин верный 7.62, пожалел, топор и нож таёжный? Нахрена я в эти горы поехал? Собаки мечутся, рвутся, но дальше чего-то невидимого не идут, а мы лежим, и я девчонке рот поцелуюм закрываю, чтобы не закричала, а сам думаю – успею до ледоруба дотянуться? Однако тот, что за палаткой стоял, обратно в гору пошёл. Шаг, ещё шаг, снова тяжело и уверенно. Камни у подножия горы звякнули. Тут уж я не утерпел. В мистику не верю, вокруг народ спит, не помогут, что ли? Отстранил руки девичьи, и выскочил, ледоруб выхватывая. Луна, горы, видимость как днём, но никого нигде. И собаки умолкли. Что было делать? Вернулся к девчонке. Утром мы всех спрашивали, кто что ночью слышал? Собаки немного лаяли, отвечают, а что было, не знаем. Шагов не слышали.

Вот и что это было? А у меня ужас был такой же, когда тигр к моей палатке подходил, и ревел над головой. Тоже не слышали? Не каждый таким похвастать может, хотя чем тут хвастать, парой седых волос на заднице? Те люди, которые живут в городе а на каникулы летают на Филиппины, считают тигра красивой меховой игрушкой, видя его на картинках в интернете и в зоопарках. Они верят в то, что его надо спасать, и когда им случается быть на своей Родине, охотно выходят на митинги «день тигра». Веря в призывы «спасти и сохранить тигра», эти люди не верят, что в их стране существует огромное количество людей, которые не только не видели Манилу, но даже ни разу не бывавшие в столице своей Родины. Для жителей Солонцового или Катэна тигр, к сожалению, не игрушка, а головная боль, страх, и возможно – смерть.

Непродуманными городскими акциями мы перекашиваем сознание масс. «Белая акула находится на грани вымирания. Приезжай на пляжи южных островов – ты нужен ей!»

... В тот день я устал. Одна переправа вброд по морю через разлившуюся Литовку вместе с некрепкой спутницей, не умеющей плавать, стоила отдельного рассказа. Реку я преодолеть с ней не смог, и пришлось идти через море, туда где сталкивалась лбами река и океан. Там я почти утонул, спасая её в яростно кипящей коричневой воде. Потом долгий путь в долину Чёртова утёса. В сумерках, совершенно измотанный я съел жареную камбалу, раскинул палатку и уснул под шелест трав и дубов. Во сне внезапно мне стало неудобно, но причину понять я не мог. Как тошнота и рвота, но и не так. Словно далёкая боль прорывается наружу, и никак прорваться не может. Вроде двигатель работает? Откуда тут двигатель? И вдруг меня яростно и бешено затрясла моя спутница. Как это описать? Ну когда человек умирает, и его бьют конвульсии.

Еле слышным шёпотом она истерически орала мне в ухо:

– Кто это??? Кто??? – И прижималась так, что я не мог пошевелить ни рукой и не ногой.

Можно было сказать, что за палаткой ревел мотор, но моторов здесь, в абсолютном бездорожье не было. Рёв иногда переходил в злобное урчание, и от этого волосы шевелились. Ну почему бабы такие эмоциональные? Она ищет во мне защиты, а сама, как спрут, обвила меня своими конечностями, почти задушив, не давая дотянуться даже до ножа.

– Заткнись, дурра, – так же зашептал я ей в ухо, подмяв под себя. – Тигр это!

Как же страшно было! Лежать спиной кверху, ожидая удара когтистой лапы, и под собой чувствовать отчаянно извивающееся худое тело, которое просит защиты.

Да, отвлеклись.

Два упоминания о неведомом, и хотя Дальние горы на юге, а Мевон-Наксан на севере, но детали совпадают. Я сам чувствовал застывшее зло в южной пещере. Хотя... Может это мои субъективные ощущения. Что гадать, надо сходить в поиск на этот Улсикан, вот вернусь и схожу....

...Плоская вершина никак не заканчивалась. Поросшие бело-зелёными мхами камни тут и там поднимались среди низких жёлто-оранжевых кустиков. Ветер заунывно выл в стволе ружья. Неудобно, надо вниз спускаться, вот только бахну напоследок, муть тоскливую разогнать. Я передёрнул затвор и выстрелил вверх.

Спускаясь, заметил растущую чёрную точку у горизонта. Вскоре грохот двигателя потеснил песню ветра. Вездеход «Газ-71» ехал прямо на меня, потом вдруг лихо развернулся, подбрасывая в небо куски мха и грязи, и остановился. С тяжким стуком откинулся верхний люк, оттуда показались чумазые руки, потом кудрявая голова механика-водителя. Истинный вариант, решил я, глядя на появляющуюся следом курчавую бороду.

– Что стоишь – спросила голова прищурившись. – Поехали.

– Куда?

– Тебе разве не всё равно? Поехали.

– Брезент крепкий? Я на брезенте. У тебя внизу места мало.

– Откуда знаешь? Садись на брезент, – согласилась голова, и люк захлопнулся.

Я бросил мешок на крышу, и уселся по центру, положив ружьё на колени. Хрюкнув и присев носом, вездеход тронулся. Просто тащусь ездить на тенте. Он пружинит, мягко подбрасывая, как в гамаке, а вокруг проносятся такие виды тундры! Степь, она никакая. Тоже, конечно красивая, но – степь. А тундра – это песня застывшего холодного ветра. В железной коробке что увидишь, темно, громко, душно. Окошек нет, вместо них топливные баки стоят на всю длину корпуса.

Ехали мы недолго. Там, где стали попадаться высокие лиственницы, вездеход, рыкнув, повернул к западу. Еле уловимо запахло дымом. Подбросило чуть сильнее, и вездеход остановился. На этот раз водитель вылез через боковую дверь с причитаниями.

– Итить твою лесной богородицы компас! Бога душу долбаный пень, прости господи!
– Что?
– Разулись снова. Второй раз уже за сегодня! Палец выскочил.
– Домкрат давай, нечего голосить. И лом достань. У тебя в коробке есть кто живой?
– Двое. Лом с другого борта достанешь. – Он снова нырнул в кабину и вернулся с домкратом. Как он его там разместил?
– Подкладки где?
– В кузове.
Я спрыгнул с крыши и постучал прикладом в железный борт.
– Вылазь, работать будем. Чурки захватите.
Из недр появились двое низких мужиков, одетых в выцветшие бушлаты.
Водитель, видя, как я по-хозяйски отцепил лом, спросил:
– Так ты что, свой? Ты куда идёшь?
– Шас клифт²² одену и бабочку повяжу. Не видно что ли? На Хайгдже иду. А вы куда едете?

– Медведя жрать. Немного не доехали.
...На берегу небольшой речушки стояло несколько бревенчатых домиков и чумов. Посреди поляны горел большой костёр, на треноге висел огромный закопчённый котёл. Вокруг столпились разношёрстно одетые люди. Национальные костюмы оленеводов перемежались с брезентом, ватниками и даже пальто. На грубо сколоченном столе уже стояли бутылки с водкой и тарелки. Один человек доставал из котла куски мяса. Мне подвинули тарелку.

– Благодарю. Что это?
– Медведя! Э, как вкусно!
– Медведя не буду.
– Мы его очень долго варили. Лапу ешь, лапу! Она жирная, сама в рот прыгает.
– Не буду лапу!
– Это же лапа! Она такая..., – говорящий закатил глаза от удовольствия, – там эти, ну такие, которые, хрящики, и мясо с жиром. Сочно, вкусно!
– Не, медведя не буду, – вновь повторил я.
– Ну тогда пей. Оленины человеку подайте на закуску! Хлеб сам доставай.

Гулянка шла полным ходом. Курили, не вставая из-за стола. Народ потихоньку поплыл. Нашлись темы для общих разговоров.

– Вот скажи мне, ты ж в городе живёшь, когда кризис кончится? – обратился ко мне сидящий по левую руку пожилой мужик в телогрейке. – По телевизору только и говорят: кризис, кризис. У нас то война, потерпите, то после войны восстанавливать надо, потерпите, теперь кризис, снова потерпите. Год кризис, два, три, я понимаю. Но как перестройка закончилась, так и понеслось – кризис. Пожить хочется спокойно. Теперь вот санкции. Да об колено! – Он громко приложил кружку об стол. – Мы что, часть Америки, при чём тут их санкции?!

– Ты живёшь, и живи. Какой кризис? И деньги льются, только не туда, и за границей люди отдыхают, и дворцы себе строят. Вон, знакомый у меня на семьсот квадратов себе завалюшку отстроил. С тремя этажами, бассейном и крокодилами. Другой знакомый небоскрёб за миллионы миллионов долларов строит, ты таких денег даже во сне не видал.

– А я вот что тебе скажу, – мужик отпил из кружки брусничного морса. – Правительству это выгодно. Надо же нас как-то зажимать. Светлого будущего, как при коммунизме уже не обещают, а других идей нет. А с чего бы кризису не быть, – мужик неожиданно повернул тему в другую сторону. – Производства своего нет, доживаем советское. Вон по телеку показывали, какие у нас академики, сто штук в месяц пожизненно получают. Один чукотский ака-

²² Пинджак с карманами. (жарг.)

демик каждый месяц новую работу пишет из года в год. Без отдыха пашет, а выхлопа ноль. Мы так скоро на китайских джипах ездить будем.

– Уже ездим.

– Да ну? Дожили... У тебя какой марки телефон?

– Нокия.

– А должен быть русский. Кто его придумает? Даже у нас в тайге все дети только в телефонах сидят, играют, и ни к чему не стремятся. Они, что ли нам экономику подымут, если шагу без телефона сделать не могут?

– Мои дети в телефонах не сидят. Они учатся. Хорошо учатся.

– А ты кто такой? – повернулся ко мне сосед справа, один из обитателей вездеходного нутра, невысокий белобрысый мужик с серыми, невзрачными глазами.

– Спелеолог из Хабаровска. Пещеры исследую. Иду на Хайгдже.

– Из Хабаровска? А я знаю там одного, тоже спелеолога. Ты Сашу Матрасова знаешь? Я его довозил, когда на Будукане работал.

– Слышал. Он не спелеолог, он турист. Он людей за деньги по пещерам водит.

– Да ну на! – удивился мужик. – И что, люди за это ещё деньги платят?

– Ну а что, платят, – пожал я плечами. – Люди разные бывают.

Через полчаса я посмотрел на солнце. Брюхо набил, пора уходить, ещё успею километров семь пройти.

– А я тебя знаю, – вновь повернулся ко мне белобрысый. – Ты Матрасов! Ты жулик. Ты у людей деньги берешь, нехорошо!

– Ты попутал, я не Матрасов. Ладно, мне идти пора. – Я повернулся.

– Нет, стой! – на плечо мне легла рука белобрысого. – Я тебя знаю! Ты Матрасов. Ты за деньги людей в тайгу водишь! Сволочь! – Он размахнулся, и ударил меня в грудь. Мы оба упали с лавки.

Хоть и пьяный, но жилистый, – думал я, катаясь по земле в обнимку с мужиком. Удары его не слабели. Народ повскакивал из-за стола, стараясь нас растащить. Что-то твёрдое опустилось мне на спину. Перевернувшись, я увидел пьяненького старика-оленевода, который ритмично без разбора опускал на нас берёзовый дрючок. Вот народу потеха! Нас подняли и растащили, тут же поднеся по чарке. У оленевода отобрали палку и засунули в чум. Пир продолжился дальше. С кружкой в руке ко мне снова подошёл белобрысый.

– Ты извини, попутал, – сокрушённо проговорил он. – Водка, будь она неладна. Давай за мир!

– Давай!

Мы чокнулись кружками.

– Тебя как звать-то?

– Сергей. Зовут Петей, от фамилии.

– Петров, что ли?

– Андросов я.

– Ваше нихрена тогда не понимаю. Сергей или Петя? Причём здесь твоя фамилия?

– Да чего тут непонятного? Андросов – Андросян, Андросян – Петросян – Петров – Петя. Так и прилипло.

– Прикольнo замутили. Однако Петь, я уже пойду. Мне ещё далеко. Прощай.

– погоди. – Петя отцепил с пояса восточный нож и протянул его мне. – Возьми на память, не обижайся.

– Спасибо Петя. Подожди секунду. – Я в раздумье покосился на свой клинок. Обычай требует что-то подарить взамен. Но мой клинок много практичнее восточных чудес в северной тундре, и главное – кованый, тогда я ещё тащился от этого слова. Я снял с шеи латунный хомуз и достал из кармана запечатанную пачку красного Bond street.

– Держи. И ты на меня не обижайся, – кинув на плечо ствол, я шагнул в низкорослые берёзки.

Ноги утопали во мху, одуряюще пахло багульником. Вот сколько Саша Матрасов зарабатывает за год? Ну вывезет он народ в пещеры ну четыре, ну семь раз в год, больше вряд ли получится. Бизнесом это не назвать и кучу денег не заработать. Только имя себе подпортить. Молодой он ещё, горячий, как евражка²³.

– Путешествовать тоже можно по-разному, – сказал я солнцу. – Одно дело когда ты вышел в море на снаряженном бриге, а там уже борешься со штормами и людоедами, другое – вышел на хабаровскую набережную в трусах и с флагом, нырнул в воду и поплыл к океану. Такие люди, несмотря на абсурдность ситуации тоже есть. Солнце слегка улыбнулось мне, и ободрённый, я продолжил разговор.

– Ты должно помнить ту девочку, которая приехала в чужой город, бросила вещи и паспорт, взяла двести рублей и отправилась в свободный полёт на неделю. Ей, очевидно было так интересно и наверное комфортно. Люди разные, да? Я так не могу. У меня всегда есть запасная обойма и нож на боку, как же иначе. Хочешь, скажи, что я совсем неправ.

...Хайгдже открылось сразу, едва я оставил за спиной низкорослый берёзовый лес. Плоская унылая возвышенность тянулась на несколько километров по меридиану. На её уплощённой тушке не было заметно ни выходов камня, ни отверстий пещер. Я задумчиво потёр подбородок, ощутив отросшую щетину. Зря сюда пришёл. Мерзлота повсюду, осадков мало, лето короткое. Плато замёрзло уже очень давно.

Я проверил патронник, сбросил рюкзак и подпёр его ружьём. Хоть побереюсь перед выходом на землю обетованную, карстовую. Достав пластиковый станок, не торопясь побрился, потом достал зеркало. Интересно, а как это – бриться опасной бритвой, наверное круто. Сейчас молодые гламурные парикмахеры ими пользуются. Появились даже псевдо-опаски со сменными лезвиями. Всегда мечтал иметь опасную бритву, но тут бы ей так просто наверное не получилось. Однако ритуал значимый, сродни курению трубки. Эх, а мох-то вокруг какой! Прямо перина. Здравствуй, Хайгдже.

Карстовые процессы на Дальнем Востоке распределены неравномерно и занимают относительно небольшую площадь. Юг, уходящий в неведомые дебри Сихотэ-Алиня, запад на границе с Китаем, одно проявление востока и нескончаемый Север. Неразвитость дорожной сети тормозит изучение и развитие края, и девяносто процентов найденных пещер на счету местного населения – охотников, лесорубов, изредка геологов. Может сегодня именно мне повезёт найти неизведанное подземное царство, куда не ступала нога человека?

Пройдясь вдоль плато, я вышел на воду, фонтаном бьющую из скалы. Она давала начало небольшой речушке, игриво сверкавшей в серых камнях. Однако карстовый источник, и вода явно пришла сверху. Может напрасно я на эту местность грешил, надо наверх подняться. Раз вода с напором идёт, значит есть водосбор и есть подземная дорога, иначе бы водопадом низвергалась.

Воронку, поглощающую воду плато я нашёл не сразу, а лишь спустя четыре километра от источника, но проникнуть туда не удалось.

²³ Вёрткий меховой зверёк, еда настоящих акул. Акул бизнеса.

Продолжение. Город Хабаровск, разговоры за пивом

Нихрена я тогда на Хайгдже не нашёл. Поноры на плато в счёт не идут, их и без меня люди знали. Смотрится загадочно, когда ручей в скале исчезает. А хода-то доступного для человека под землю нет. Плюнув на всё, на попутном вездеходе «Газ-73» я уехал до Марьи, и прожил семь счастливых дней в осенней тундре. Мы валялись во мхах, кидались клюквой, охотились на гусей, словом дурачились, как могли. По возвращении в город, я позвонил Вовке.

– Вовка, я к тебе зайду с Серёгой и Витькой, расскажу что узнал.

– Заходите. С вас пиво, с меня картошка. Только сами чистить будете.

– С чего это сами, – возмутился я. – Как жрать, так вместе, как чистить, так сами? Сколько пива брать?

– Литров десять хватит для начала, – засмеялся Вовка.

На другой день я пришёл раньше мужиков, сунул Вовке пакет с пивом и прошёлся по квартире. Нравятся мне дети больших начальников. Хорошая квартирка. Четыре комнаты, две ванны, два санузла, душ, разные нишки и гарберобные. Моя квартира после такого размаха берлогой смотрится. Раньше бы я позавидовал. Но моя Мейли один раз сказала, что это нехорошо. Ночью мы сидели с ней в плетёных креслах около её магазина и смотрели на людскую толпу, кипящую вокруг. Ночью это по-хабаровски. У них там вечер, время ведь плюс пять, а у нас плюс семь.

– Нин елосэжень есть джихэн.

– Мы русские – что...?

– Когда зависть. Это... – Мейли достала потрёпанный словарь и раскрыв, ткнула мне пальцем. – Завидовать и ненавидеть. Вы всегда завидуете успешным люди.

– Разве не зависть ведёт вперёд?

– Вперёд ведёт мечта. – Мейли легонько стукнула меня по плечу словарём. – Я же не завидую Мейфан, что у неё есть двое детей. Я мечтаю о своих детях, и они обязательно будут. Вон, смотри: идёт старик с тележкой. Он каждый день так ходит. Он бы мог завидовать тому машина, – она указала на проезжающий мимо огромный джип Great Wall. – Но ему это не надо. У него другая мечта и душа его спокойна, ведь он день за днём приближается к ней. Надо работать. Не завидовать, а работать. А вы всегда завидуете, хотите всё сразу, чтобы потом как это... печка лежака.

Мейли. Я ещё раз прошёлся по комнатам.

– Что ходишь, пошли картошку чистить, – на пороге возник Вовка.

– Мейли вспомнил. Странно так вышло, я шёл вечером по улице, и увидел её, высокую, стройную. Волосы до плеч. Солнце садилось и её контур светился золотом.

– Кто ж тебя не знает, Донжуан с севера! Или ты по азиаткам с ума сходишь? – улыбнулся Вовка. – Держи ножик, пошли, расскажешь.

– Я красоту просто чувствую в отличие от вас более остро.

Просто так смотреть на женщин в чужой стране иногда чревато. Поэтому я тогда подошел к ней и запинаясь, спросил:

– Дуйбуци²⁴, во....

– Ай ни²⁵? – она окинула меня взглядом и лёгкая усмешка пробежала по губам. – Рано ещё так говорить. – Она снова с пониманием улыбнулась.

Сыновья Адама скроены из камня и мозги у них из камня. Они не могут быстро воспринимать оттенки жизни. В отличие от них, любая женщина за миг чувствует момент, когда муж-

²⁴ Простите (кит.)

²⁵ Непереводимое здесь начало разговора мужчины и женщины любой национальности.

чина готов сказать большее, чем просто «здравствуй». Оттого их улыбка в этот миг становится загадочной и всемогущей. Я смешался. Не собирался я говорить этих слов!

– Во кань. Ни зишоу²⁶. Я хотел посмотреть на тебя ещё немного, не прогоняй меня.

– Ты говоришь по-китайски?

– Сяо-сяо²⁷, – я сжал пальцы.

– И ши, а ши, сан ши, – она уже откровенно расхохоталась. Не переживай, мы тоже так учились в детстве. Я буду говорить медленно, ты поймёшь, просто внимательно слушай. У тебя папа китай, мама китай?

– Нет. Во жень элосы²⁸. Зуфу²⁹ жу, жил, Хаэрбин.

– Ты где остановился?

– Юнань отель.

– Переезжай ко мне. Продлим визу, будем жить вместе и учить языки. Я хочу учить русский. Ты помогать мне торговать в магазине. Во Мэйли.

– Хао. Шодинлэ³⁰. Во Элио... Вот так Вовка я оказался в Китае и прожил там некоторое количество времени.

– Что ж не остался с ней?

– Я не космополит. Есть такое слово, Вов, только не смейся, оно штамп. Это слово – Родина. Мне плевать, кто у нас президент, какой курс рубля, но здесь живут мои родители и мои дети, и мои друзья. Я не могу оставить их никогда, чтобы любить из Парижа.

– Тургенев же оставил, ради своей Полины.

– У Тургенева детей наверное не было.

Пришли Витька с Серёгой.

– Что задерживаетесь, дармоеды? Я Вовку уже умотал своими баснями. Давайте к плите. А нам пора Бахусу должное отдать.

Мы сидели в просторной Вовкиной квартире, жарили картошку и пили пиво. Вовка и Серёга начальники, а папы их большие начальники. Витька один не пришей кобыле хвост, косит под геофизика, но шалопай. Здесь стоит, наверное, немного обрисовать нас. Мы увлекаемся поиском пещер, то есть спелеологией. Мы не входим ни в какой клуб, не водим людей по пещерам за деньги, мы просто получаем удовольствие от разгаданных тайн Земли. Спелеология, стало быть, наше хобби, на него мы тратим свои деньги и своё время. Помимо них, моих мудрых друзей, у меня есть люди помладше, они только начинают свой путь в жизни и в спелеологии, однако вернёмся к настоящему. Вовка – высокий мускулистый мужчина с рыжей бородой и жёстким взглядом серых глаз, похожий на древнего викинга. Несмотря на суровую внешность, он очень любит смех, песни и шутки. Вовка в прошлом геолог, а сейчас лесоублажитель. В нынешнее время тоже неплохая профессия. Сергей – двухметровый светловолосый гигант с голубыми глазами, любитель помечтать в тишине лесов. Помимо этого он очень любит копаться в своей судебной лаборатории, на досуге потроша мышек и лягушек. Витька же похож на волосатую обезьяну Чуи, только с сумасшедшими глазами и повреждённой психикой. Витя действительно геофизик. Только что он там открывает своими методами, я не знаю. И вообще, о своей работе между собой мы не распространяемся. Не то, чтобы это не интересно, но негласно так давно заведено было.

Я рассказал им про легенду, услышанную от эвенка.

²⁶ Вряд ли стоит переводить (продолжение пункта 20.)

²⁷ Самую малость (кит.)

²⁸ Русский.

²⁹ Дед (кит.)

³⁰ Хорошо, согласен (кит.)

– Встретил я тут старика одного, он мне рассказал про Мевон-Наксан. Я бы сказал, странное место, и рассказ странный. Вроде бы как про пещеры, но почему-то с огнём. А началось-то всё с музея! Я там плиту известняковую увидел с надписью. А старик мне эту надпись целиком процитировал. Каменное копье, – говорит, – стережёт вход туда. И вот ещё косвенные факты есть, послушайте. И камень я сам видел, своими глазами.

Я рассказал друзьям о Дальних Горах на юге.

– Да ну, фигня, – дослушав меня, высказался Вовка. Он всё всегда в штыки принимает. – Мало ли чего в старину было. Обросло деталями за столетия, и уже не отличишь правду от сказки.

– Но чего бы геологу Саше бояться пустой природной выемки?

– Я немало хожу по тайге, и знаешь, что заметил? Рассказчик обыкновенно сам не бывал в этом месте, но там, по его словам там бывали другие, которые видели. Так возникают легенды. Якуты и эвенки не прочь приукрасить действительность, тем более, если первоначальная причина забыта. Понятно, для северянина выдумать – значит обмануть, что для него просто невозможно, но он же не выдумал! Он просто добавил пару своих слов.

– Но я-то бывал.

Серёга воздержался от комментариев, лишь почесал подбородок. Витьке же идея понравилась.

– Так надо идти искать! Тащите карту!

– Снег скоро ляжет, карту тебе, – пробурчал Вовка. – Любитель снег помесить. Вспомни Трубу Ниланскую, чуть в снегу не утонули. По твоей наводке пошли, кстати. Хороший ты мужик, Витя, но суетной.

– Ага, – поддержал Вовку Сергей. Воронку двадцать на двадцать снегом так занесло, что нас всех этот снег держал. А под нами ведь тридцать метров вниз было.

Снега тогда на склонах было метра три. Просто удивительно, что мы нашли шахту и прокопались ко входу. На дне обнаружили огромные рога лося. Лось тоже наверное, как мы, топтался над входом и причитал: – ну где же моя пещерка? Жаль, тогда рога не забрали, тяжело в таком снегу. Серёга потом сокрушался, вдруг это какой-нибудь реликт был.

– А когда лучше?

Витька человек на Дальнем Востоке пришлый. Он приехал к нам за романтикой из Европы, закончив Горный институт в Питере. А родом сам из ласковой Прибалтики. Там совсем иная погода.

– Летом. Лучше в июне. А ещё лучше в августе.

– Во-во, у меня июнь занят, – поддакнул я, хотя в поиск готов был хоть завтра. – Я предлагаю хоть место примерно посмотреть. Тащи карту!

Мы долго возили по карте пальцами, спорили, но так и не пришли к единому знаменателю. Примерно подходящих под описание мест было много. Остановились на трёх участках, про которые решили узнать более детально из геологических данных. Поскольку двое из нас были профессиональными геологами, им будущую работу и поручили.

– Ну скажи ты нам, почему именно тебе вечно какие-то приключения на голову сыплются? – спросил Вовка. – То ты в снегу под перевалом плаваешь, то белого спелеолога видишь, то кого-то спасаешь. Видения твои удивительные, и даже отчего-то правдой оборачиваются. Не знал бы я тебя, лесом бы послал. Теперь вот с этим Наксаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.